

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ЮРИДИЧЕСКИЕ ИТОГИ ГОДА

ПОДОГНАТЬ
ПОД ЦИФРУ / 14
ПОГЛОЩЕНИЕ С МЕСТНЫМ
КОЛОРИТОМ / 19
ИГРЫ В МОНОПОЛИЮ / 23

Четверг, 30 января 2020 №16
(№6737 с момента возобновления издания)
Цветные тематические страницы №13–32
являются составной частью газеты «Коммерсантъ»
Зарегистрировано в Роскомнадзоре
ПИ № ФС77-76924 9 октября 2019 года

Коммерсантъ
в Санкт-Петербурге

BUSINESS GUIDE

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР ВЫПУСКА

ССП Консалт
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

РЕКЛАМА

ВАЛЕРИЙ ГРИБАНОВ,
РЕДАКТОР BUSINESS GUIDE
«ЮРИДИЧЕСКИЕ ИТОГИ ГОДА»

ПО ЗАМКНУТОМУ КРУГУ

Этот выпуск посвящен юридическим итогам прошлого года, однако главное событие в области права, как минимум за последние четверть века, в нашей стране произошло уже в этом году — власти спешно начали править Конституцию страны.

Примечательно, что большого общественного резонанса эта инициатива не вызвала: чаще всего свое мнение по поводу изменения в основной закон страны высказывали не специалисты в области юриспруденции, а общественные деятели. Причем дискуссия разворачивалась не в центральных СМИ, а на альтернативных площадках — в соцсетях и телеграм-каналах. И дело тут вовсе не в том, что руководство страны не было заинтересовано в слишком длинных обсуждениях кулуарно принятого решения. Полагаю, даже если бы к открытому обсуждению были призваны все слои общества, большой разницы с тем, как проходили поправки, мы бы не увидели. К слову, когда основной закон принимался в 1994 году, общество — тогда еще не в пример нынешнему гораздо более политизированное и живущее в условиях значительно большей свободы слова — серьезного интереса к документу также не проявляло. Сложно представить себе в подобной ситуации, допустим, Францию.

Причина подобного равнодушия нации к таким основополагающим вопросам, вероятнее всего, кроется в правовой безграмотности населения. В школах основы права, конечно, проходят. Но подход к преподаванию этой дисциплины, как и во многих других предметах, достаточно формальный — по крайней мере по сравнению с европейскими странами. Возможно, причина кроется в более развитом гражданском обществе, когда то, что тебе говорят на уроках, подкрепляется практическими примерами из повседневной жизни, жизни семьи. Основопологающим принципом такого общества, вероятно, является неравнодушие к своей и чужой жизни.

Таким образом, вырастить юридически грамотное поколение, берегущее свои и чужие права, можно лишь построив гражданское общество. Но тут образуется замкнутый круг: без юридически подкованных граждан построить гражданское общество оказывается сложным. А потому пока большинство жителей страны равнодушно следует за законами, которые им спускаются сверху.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ПОДОГНАТЬ ПОД ЦИФРУ

ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ МОЖЕТ ПОЧТИ НА ТРЕТЬ УВЕЛИЧИТЬ ВВП РОССИИ УЖЕ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ. НО ПРИ ЭТОМ ГОСУДАРСТВУ, БИЗНЕСУ И ЗАКОНОДАТЕЛЯМ ПРИХОДИТСЯ РЕГУЛЯРНО ОТВЕЧАТЬ НА ВЫЗОВЫ, КОТОРЫЕ СТАВЯТ ПЕРЕД НИМИ ЦИФРОВЫЕ НОВОВВЕДЕНИЯ. КОРРЕСПОНДЕНТ ВГ КСЕНИЯ ПОТАПОВА ВЫЯСНЯЛА, НАСКОЛЬКО ГОТОВО К ПОДОБНЫМ ВЫЗОВАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

ОТСУТСТВИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ РАВНЯЕТСЯ И ОТСУТСТВИЮ ЗАПРЕТОВ, ЧТО НЕ ТОЛЬКО НЕ ТОРМОЗИТ, НО, НАОБОРОТ, ДАЕТ БИЗНЕСУ ВОЗМОЖНОСТЬ НА ПРАКТИКЕ ПОНЯТЬ, КАКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМ НЕОБХОДИМО, А ЗАКОНОДАТЕЛЮ ЗАТЕМ — ЗАКРЕПИТЬ УЖЕ СЛОЖИВШИЙСЯ ПОРЯДОК

В 2017 году правительство РФ утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой существует отдельный проект «Нормативное регулирование». На его базе сегодня ведется разработка законов, которые должны стать основой отечественной цифровой экономики.

«В связи с реализацией программы к принятию Госдумой было запланировано около 70 законопроектов в отношении цифровизации различных сфер деятельности государства, юридических лиц и граждан, из них примерно 30 затрагивают финансовый сектор», — говорит Дарья Носова, партнер, руководитель практики «Финтех» юридической фирмы O2 Consulting.

Но, по мнению Владимира Масленникова, вице-президента QBF, на данный момент российская законодательная база существенно отстает от темпов развития электронной экономики. Правда, такое положение дел как минимум не случайно. «Новинки на рынке цифровых услуг, способные серьезно трансформировать процесс взаимодействия компаний с клиентами, появляются постоянно, а на под-

готовку и принятие законодательных актов, упорядочивающих инновации, уходят месяцы и даже годы. Сейчас создается лишь каркас государственного регулирования, прописываются основные понятия, относящиеся к указанной сфере», — отмечает он.

«Законодательство, как правило, всегда догоняет реальность. Это естественный процесс, и так происходит в большинстве сфер жизни. Правда, в сфере цифровой экономики из-за ее скачкообразного развития это особенно бросается в глаза», — поясняет Валерия Голянова, партнер компании «Бизнес Развитие».

При этом, по мнению эксперта, отсутствие законодательного регулирования в большинстве случаев равняется и отсутствию запретов, что не только не тормозит, но, наоборот, дает бизнесу возможность на практике понять — какое регулирование им необходимо, а законодателю затем — закрепить уже сложившийся порядок.

В связи с этим большинство специалистов сходятся во мнении, что глобально законодательство РФ к новым вызовам в сфере цифровой экономики не готово, но

при этом акцентируют внимание, что такого общемировая особенность.

Несмотря на подобный алгоритм развития госрегулирования цифровой экономики, определенный законодательный задел на будущее делать все же необходимо, считает Нарек Авакян, начальник отдела инвестиций компании «БКС Брокер».

«Так как в его отсутствие даже банки и финансовые компании (а в российском банковском секторе цифровизация сегодня отвечает лучшим мировым стандартам) пока не до конца понимают, как работать с клиентами, например, без личной авторизации. Это препятствует дальнейшей цифровизации данной сферы. Аналогичная ситуация и с беспилотным транспортом, доставкой товаров», — заключает он.

Наконец, ряд экспертов отмечает, что на самом деле как такового специального законодательства развитие цифровой экономики не требует. «Скорее текущие законы нужно оценивать с точки зрения ограничений правового положения интеллектуальной собственности, владения акциями или инвестиций в такие проекты», — поясняет Илья Григорьев, аналитик долгового рынка ИК «Иволга Капитал». → 16

ТЕХНОЛОГИИ И ЗАКОН

...кинуть ему спасательный круг

ССП Консалт
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

**право это...*

www.ssp-consult.ru / (812) 901-02-01 / mail@ssp-consult.ru / #lawissp #ssp #ccn

14 → А излишнее законотворчество приводит лишь к зарегулированности рынков. «Государственное регулирование (в том виде, в котором оно конструируется сейчас) нередко усложняет отношения участников рынка. Для кого-то, например, намеренно повышается порог входа на рынок (как для удостоверяющих центров электронной подписи)», — считает Максим Али, руководитель практики IP/IT Maxima Legal.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ УСПЕХИ Дарья Носова обращает внимание, что минувший год в первую очередь отметился изменениями в ГК РФ в части заложенной базы для оборота и будущего регулирования цифровых прав (закон «О цифровых правах» вступил в силу с 1 октября 2019 года), а также дополнений, касающихся электронных способов совершения сделок, признания подписи через идентификацию подписанта (в том числе удаленную, биометрическую), проведения электронного голосования на собраниях, была также заложена основа для коммерческого оборота больших данных.

Дополнения были внесены в закон «О национальной платежной системе» в части виртуальных платежей через мобильные приложения. Принят закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», регулирующий отношения на рынке краудинвестинга. Продолжается совершенствование перехода на электронные способы документооборота, хранения данных, совершения сделок, идентификации личности.

Эксперты также рассказали о препятствиях для развития цифровой экономики, существующих в российском законодательстве. Госпожа Носова считает, что относительно частных правоотношений

их немного, поскольку работает принцип гражданского права «разрешено все, что не запрещено». Однако с цифровыми правами возникла серьезная заминка, связанная в первую очередь с противоречивым отношением государства к криптовалютам. «Хотя это лишь часть цифровых прав, законодатель посчитал, что безопаснее будет отойти от вышеупомянутого принципа, и в октябре 2019-го для любых цифровых прав в ГК РФ появилось правило, фактически исключающее их из оборота, пока (и если) не принят закон, определяющий статус и порядок обращения соответствующего цифрового права», — добавляет эксперт.

По мнению Антонины Левашенко, руководителя Российского центра компетенций и анализа стандартов ОЭСР РАНХиГС, ключевым регуляторным барьером, препятствующим развитию цифровой экономики, также относятся тотальное требование локализации данных на территории РФ, что создает существенные барьеры для иностранных и российских IT-компаний; отсутствие определенности в отношении определения «персональных данных» и условий для развития анализа больших данных. Вопросы у международного сообщества могут вызвать новые законодательные изменения — поправки к законодательству о связи и информации, предусматривающие создание национальной системы маршрутизации интернет-трафика (закон о «суверенном интернете») и закон об обязательной предустановке российского ПО на цифровые устройства.

Одной из лакун в российском законодательстве остается и статус криптовалюты, который до сих пор не определен. «Фактически виртуальные деньги уже распространены в качестве средства взаиморасчета в некоторых нишах. Криптовалюта

принимается в ряде интернет-магазинов, ею можно расплатиться за рекламу в сети и некоторые другие услуги. Между тем на законодательном уровне взаиморасчеты описанного характера не являются ни разрешенными, ни запрещенными. Предложения по запрету криптовалюты готовят ЦБ РФ совместно с Росфинмониторингом. Регуляторы полагают, что движение криптоактивов слишком трудно контролировать, поэтому наиболее действенным способом борьбы с криминалом будет их полное исключение из правового поля», — поясняет Владимир Масленников.

По мнению Венеры Шайдуллиной, директора Центра исследований и экспертиз департамента ПРЭД Финансового университета при правительстве РФ, проблема заключается в невозможности идентификации собственника криптовалюты, что противоречит интересам государства. Ведь если установить собственника невозможно, то и налоги собирать не с кого. При этом сторонники легализации операций с криптовалютой говорят, что уничтожить сектор цифровых активов уже невозможно, а предлагаемый запрет лишит бюджет хоть каких-то налоговых поступлений от таких операций.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ С тем самым многострадальным законопроектом о цифровых финансовых активах, который уже год никак не может преодолеть второе чтение в Госдуме, по мнению экспертов, как раз и связаны наибольшие ожидания в текущем году. «В этом смысле мы серьезно потеряли темп и уже сильно отстали, а в результате в „серой“ зоне оказались не только криптовалюты, но и иные виртуальные активы», — поясняет госпожа Носова.

С таким же нетерпением ожидается и принятие закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ», так называемых «цифровых песочницах». «Основным препятствием для развития цифровой экономики является отставание при внедрении новых технологий и решений. Механизм регуляторных „песочниц“ позволяет разрабатывать, тестировать и внедрять новые технологические сервисы и оставаться в рамках правового поля», — поясняет Дмитрий Кульков, заместитель начальника управления отраслевой экспертизы департамента по работе с государственными структурами компании «Техносерв».

«Иными словами, должны появиться зоны, где можно будет свободно экспериментировать с цифровыми решениями и на которые при этом не будет распространяться жесткое законодательство, которое действует в стране», — добавляет Александр Смоленский, директор по развитию бизнеса компании «Цифра».

Осенью прошлого года была представлена финальная версия данного законопроекта. «Согласно документу, действие экспериментального правового режима, в частности, будет распространяться на следующие области: применение новых технологий на финансовых рынках; разработку высокоавтоматизированных транспортных средств; электронное обучение и продажу товаров и услуг дистанционно. Как показывает мировой опыт, именно такие механизмы позволяют в практическом итерационном agile-режиме адаптировать существующую законодательную базу к новым реалиям», — заключает Виталий Баллада, директор по инновациям IT-компания «Рексофт». ■

«ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», О КОТОРОЙ ТАК ДОЛГО ГОВОРИЛИ ЮРИСТЫ, СВЕРШИЛАСЬ

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО ОПРОШЕННЫХ ЮРИСТОВ НАЗВАЛИ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫМ СОБЫТИЕМ ПРОШЕДШЕГО ГОДА ЗАВЕРШИВШУЮСЯ «ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ». ОДНАКО ПОМИМО ЭТОГО СОБЫТИЯ, БЫЛИ НАЗВАНЫ И ДРУГИЕ, КОТОРЫЕ, ПО МНЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВА, БУДУТ ОКАЗЫВАТЬ СЕРЬЕЗНОЕ ВЛИЯНИЕ КАК НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ТАК И НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ.

АРТЕМ МОРОЗОВ,
юрист юридической службы
«Единый центр защиты»:

— Событием года, на наш взгляд, следует считать первый этап перехода на электронные трудовые книжки. В 2020 году работники имеют возможность сделать выбор в пользу ее бумажного либо электронного варианта. В следующем году начнется второй этап — непосредственный переход на электронную форму. Благодаря этому работники смогут отказаться от бумажного варианта, который имеет свойство делать текст нечитаемым, что, в свою очередь, влечет в будущем проблемы с ПФР. Главным правовым событием в Санкт-Петербурге мы считаем введение налога на самозанятых (в 2019 году он действовал только в четырех регионах).

Эксперимент с налогом будет длиться до 31 декабря 2028 года. Обязанность его уплаты возлагается на физических лиц, получающих доход от деятельности, при которой у них нет ни работодателя, ни работников.

ПЕТР ГУСЯТНИКОВ,
старший управляющий партнер юридической
компания PG Partners:

— На мой взгляд, самым значимым событием ушедшего года в сфере права и юриспруденции была «процессуальная революция», которая состоялась 1 октября 2019 года. Были внесены масштабные поправки в Гражданский процессуальный кодекс. Самая главная, по моему мнению, изменение, которое способно ощутимо повлиять на юридическую практику, — по-

явление сплошной кассации в гражданском процессе. Это значит, что теперь суды кассационной инстанции обязаны рассматривать все поступающие к ним жалобы, а не посылать отписки, мотивируя тем, что суды первой и второй инстанции уже вынесли решение. Кроме того, появились отдельные кассационные суды, потому что ранее кассационные жалобы рассматривались президиумами областных судов.

ЕВГЕНИЙ КАРНОУХОВ,
управляющий партнер
Alliance Legal CG:

— Главным правовым событием ушедшего года, безусловно, является завершение судебной реформы в России — начало работы новых апелляционных и кассаци-

онных судов общей юрисдикции и принятие поправок в процессуальное законодательство. Завершившие так называемую «процессуальную революцию» поправки в процессуальное законодательство вступили в силу 01.10.2019 и определили новый порядок обжалования судебных актов, изменили процессуальные сроки, ввели профессиональное представительство, установили новые правила преюдиции, урегулировали иные вопросы гражданского и арбитражного судопроизводства. В этот же день начали работать четырнадцать новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. При этом в Санкт-Петербурге заработали сразу два судебных учреждения — Второй апелляционный суд и Третий кассационный суд. → 26

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

ARTXHAUS
светский бизнес-класс

*A thought that
'must through the
One of the most beautiful
- the human body
with the art*

ДОМ С РАСЧЁТОМ НА ЛЮБОВЬ

600 33 33
ЖК-АРТХАУС.РФ
ЗВЕНИГОРОДСКАЯ, 7А

«В РОССИИ ЮРИСТЫ НЕ РЕДКО ВЫСТУПАЮТ В РОЛИ ПОЖАРНОЙ КОМАНДЫ»

О ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ КЛИЕНТОВ, РАЗНИЦЕ МЕЖДУ ЗАПРОСАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАПАДНЫХ КОМПАНИЙ, ВАЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, А ТАКЖЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАКТИК В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВЪЕЗДНОЙ МАРИИ КУЗНЕЦОВОЙ РАССКАЗАЛ УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАРТНЕР АДВОКАТСКОГО БЮРО «ЕГОРОВ, ПУГИНСКИЙ, АФАНАСЬЕВ И ПАРТНЕРЫ» ИЛЬЯ НИКИФОРОВ.

BUSINESS GUIDE: Расскажите об основных направлениях, по которым оказывают консультации специалисты вашего бюро.

ИЛЬЯ НИКИФОРОВ: Бюро — фирма полного цикла, более 20 выделенных практик помогают нам «под ключ» справиться с любой задачей — начиная от сопровождения M&A-сделок в 20 юрисдикциях и заканчивая разрешением трансграничного спора, включая розыск имущества должника по всему миру, наложение обеспечительных мер, признание и приведение в исполнение решений иностранных судов. Наши традиционные драйверы — судебно-арбитражная, корпоративная, антимонопольная практики. Набрали обороты уголовная практика и практика взаимодействия с контрольно-надзорными органами.

Появляются новые интересные направления, например, практика обслуживания частных клиентов. Еще спортивное право: считаю это направление актуальным. Российских спортсменов представляют иностранные адвокаты, а это неправильно. Национальный спорт должны представлять отечественные юристы.

BG: Насколько значительна разница между запросами на юридические услуги со стороны отечественного и иностранного бизнеса? В чем это проявляется?

И. Н.: Разница есть. Два примера. Первый: иностранные клиенты, которые только приходят на российский рынок. Они от юриста требуют не только совета, но и рассматривают его как точку входа, чтобы «зацепиться в России». Нередко нас просят порекомендовать специалистов по какому-то другим направлениям, например, в таких сферах, как аутсорсинг, управление персоналом, недвижимость, бухгалтерские и аудиторские услуги, или же ввести в деловые круги. То есть здесь мы предстаем в качестве проводника для иностранца по российским реалиям. Второй пример. Некоторые иностранные компании, которые имеют здесь небольшой сателлитный бизнес, зачастую аутсорсят всю юридическую функцию. Были прецеденты, где наша фирма выполняла функцию юридического департамента полного цикла: мы ходили на заседания совета директоров, представляли отчеты, визировали документы и так далее. Зарубежный бизнес понимает, что есть случаи, когда эффективнее не брать в штат местных специалистов, а обращаться в юридическую фирму полного цикла, где можно получать советы от профессионалов по тому или иному профилю.

Другая иллюстрация. Есть традиционный подход — здесь речь идет о правовой культуре развитых экономик — принято обращаться к юристам в превентивном порядке, то есть сперва подстелить соломку.

ЕВГЕНИЙ ПЛЕВЕНКО

В России же классика жанра — звонить адвокату, когда горит, уже по факту состоявшегося материализованного риска, как в МЧС или неотложку.

BG: Как вы оцениваете правовое сознание российских клиентов — как оно изменилось за последнее время? Становится ли клиент сейчас более искушенным в юридических вопросах?

И. Н.: Отечественные клиенты, и в первую очередь крупный и средний бизнес, создали у себя мощные юридические службы. Я с удовольствием общаюсь с их представителями, в том числе по профильным отраслевым вопросам. Они очень глубоко владеют тематикой.

Внутренние ресурсы ориентированы на решение рутинных задач. Инхаус-департаменты выполняют их эффективно. Внешние консультанты задействованы в крупных сделках или серьезных спорах, но не на ежедневной основе. В ряде холдингов правовой департамент выделен в отдельное юридическое лицо. Но с них и спрос будет другой — не только как был использован бюджет, но и сколько заработано. Полагаю, они будут выходить на рынок и оказывать услуги не только родному холдингу, но и другим интересантам, которые обращаются с рынка.

BG: Есть ли разница в работе отечественных и иностранных консультантов? И в чем она?

И. Н.: Прежде всего мы гордимся тем, что действуем в системе адвокатуры. С этим связан ряд привилегий, а равно и этических правил, которым мы следуем и которые созданы в интересах клиентов. Закон охраняет нашу конфиденциальность. Сейчас обсуждается реформа юридическо-го рынка. Идет дискуссия о том, в каком

именно формате западные фирмы будут допущены к оказанию независимых профессиональных услуг в России. Пока этот разговор идет, адвокаты уже пользуются преимуществами в представлении интересов клиентов. Только адвокаты допущены к конституционному, административному, уголовному судопроизводству.

Как управленец я отчасти завидую, а отчасти сочувствую нашим коллегам из «ильфов». В больших структурах международных юридических фирм существуют устоявшиеся политики, бизнес-процессы, практики. Это дает карт-бланш командам из западных фирм: они имеют доступ к системам и процессам, отработанным годами. В то время как мы действуем методом проб и ошибок, они получают все на блюдечке. Это конкурентное преимущество для любого западного консультанта по сравнению с отечественным. С другой стороны, эти же политики порой связывают юристов местных офисов по рукам и ногам и не дают возможности взяться за интересный проект. По тем или иным причинам головной офис им в этом отказывает. А у наших юристов, в самом благородном смысле, иногда нет выбора: им нужно брать за сногшибательные проекты, которые ранее никто не делал. В структуре западной юридической фирмы такие проекты заберет головной офис. Это своего рода вызов, а работа, связанная с вызовом, мотивирует. Отечественному юридическому бизнесу очень помогли санкции. Государственные структуры — это серьезный игрок и заказчик на рынке подобных услуг, и часто иностранные фирмы не имеют разрешения национальных органов брать за такие поручения.

BG: Какие наиболее важные изменения в законодательстве появились в минувшем году?

И. Н.: Заметной темой в сфере разрешения споров стала комплексная реформа ГПК и АПК. Среди основных нововведений — квалификационные требования к представителям в процессе. Теперь у них должно быть юридическое образование. Также отмечу введение новой структуры и порядка обжалования, новых формальных требований к состязательным бумагам. Был введен институт коллективных исков. Считаю, что в нынешнем виде он был положен на бумагу в соответствии с хорошими мировыми практиками. Этот классический на Западе инструмент имеет перспективу в России.

С точки зрения адвокатской кухни можно отметить недавно принятые поправки в закон об адвокатуре, в том числе легализованный гонорар успеха для адвокатов. Ряд других оргвопросов адвокатского сообщества был решен этим законом, в частности, теперь претенденты на статус адвоката будут проходить единое тестирование с использованием автоматизированной системы. Упорядочен переход адвокатов в адвокатскую палату в другом регионе, стали более логичными правила приостановления и возобновления статуса.

BG: Какие перспективные направления вы видите для юридических практик в нашей стране? И каковы ваши прогнозы развития юридического бизнеса в ближайшем будущем?

И. Н.: В первую очередь это практики, связанные с цифровизацией. На повестке дня — внедрение во многие сферы жизни искусственного интеллекта. Нужны будут юристы для «обслуживания» таких вопросов. Также я вижу перспективу в комплексном сопровождении венчурных инвестиций. В связи с нарастающей ролью государства во всех сферах экономики будут активны практики, связанные с взаимодействием с органами государственной власти. Еще одна тенденция связана со значительно возросшим числом узкопрофильных юристов. С одной стороны, такие профессионалы могут быть лучшими в своей области. Однако это привело к нехватке «универсалистов» — тех, кто может сформулировать задачи для нишевых юристов с учетом всех юридических и коммерческих аспектов, интересующих доверителя. Думаю, что пришло время для появления в строю нового поколения универсальных бойцов, способных схватить картину целиком, говорить на одном языке с топ-менеджментом и бенефициаром клиента, создавать стратегию исходя из бизнес-приоритетов, а не абстрактных умозаключений. Например, чем-то поступиться, чтобы выиграть по-крупному. ■

ПОГЛОЩЕНИЕ С МЕСТНЫМ КОЛОРИТОМ

НА ОТЕЧЕСТВЕННОМ РЫНКЕ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ (M&A) ВСЕ БОЛЬШЕ ЗАДЕЙСТВУЮТСЯ НОРМЫ РОССИЙСКОГО, А НЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. ПО МНЕНИЮ ЭКСПЕРТОВ, ТАКОЙ ТРЕНД В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ ТОЛЬКО УСИЛИТСЯ. АРТЕМ АЛДАНОВ

По итогам 2019 года объем российско-го рынка слияний и поглощений может сохраниться на уровне 2018-го. Первые точные итоговые показатели от аналитиков должны стать известны в ближайшие недели. Два года назад, согласно исследованию КПМГ, общий объем сделок в российском сегменте M&A составил \$51,7 млрд. В сравнении с 2017-м по сумме наблюдалось снижение на 7%. Количественно объем сделок вырос на 18%.

Эксперты отмечают, что в 2019 году зарубежные компании продолжали избавляться от своих российских активов, отечественные — от своих международных «дочек». В частности, Сбербанк продал финансовой корпорации из Дубая Emirates NBD турецкий Deniz Bank. Стоимость сделки составила \$2,69 млрд. Сбербанк объяснил продажу турецкого банка сложностью управления в санкционных условиях. Также в прошлом году бизнесмены Анатолий Карачинский и Сергей Мацоцкий передали американскому холдингу XC Technology свою IT-компанию Luxoft, успешно работающую на Западе, за \$2 млрд. На внутреннем M&A-рынке в 2019 году можно выделить поглощение «Ростелекомом» сотового оператора Tele2. Сбербанк и Mail.ru объявили о закрытии сделки по созданию IT-сервиса для рынка продовольствия и транспортных услуг. Стоимость проекта оценивается в 100 млрд рублей.

СТАГНАЦИЯ ИЛИ РОСТ? По словам партнера Maxima Legal Натальи Дятловой, весь прошлый год инвесторы занимали выжидательную позицию, снизив темпы своей инвестиционной активности и отложив до лучших времен планы по расширению. По мнению эксперта, это объясняется несколькими причинами, среди которых отсутствие упакованных и маржинальных проектов для инвестиций как у государства, так и у бизнеса в целом. «Большая часть обстоятельств, влияющих на общую активность и макроэкономические тенденции в экономике, находится вне сферы контроля государства. Правительство РФ планирует продолжать развитие стратегической программы нацпроектов, при этом по-прежнему придерживаясь консервативной налогово-бюджетной и кредитно-денежной политики. В частности, повышение ставки НДС до 20% не способствует развитию M&A-рынка и не-

гативно влияет на маржинальность проектов. Кроме того, инвесторы обеспокоены в связи с недостатком информации в отношении планов правительства РФ по реализации нацпроектов и предсказуемости политического рынка в России, а также возможным развитием ситуации после следующего пакета персональных санкций со стороны США и их влиянием на бизнес в России», — считает господина Дятлова.

Руководитель практики слияний и поглощений и корпоративного права АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» Елена Агаева также полагает, что геополитическая неопределенность последних лет оказала влияние и на российский рынок M&A. В целом в последние годы он стагнирует. Консервативные иностранные инвесторы чаще выступают в качестве продавцов российских активов. Правда, при этом более динамичный иностранный бизнес, а также некоторые российские инвесторы продолжают приобретать выгодные активы.

Между тем юрист петербургской корпоративной практики «Пепеляев Групп» Елена Рыбальченко считает, что 2019 год показал, что российский рынок M&A достаточно активен. «Аналитика по количеству и стоимости сделок по отраслям за весь прошедший год пока не представлена, но итоги первых шести месяцев говорили о том, что рынок M&A набирает обороты и по количеству сделок и по их стоимости по сравнению с аналогичным периодом 2018-го. Рост, конечно, не такой стремительный, как десять лет назад, но сейчас и экономическая ситуация не только в России, но и в мире другая. В целом прошедший год продолжил тенденции предыдущих. Лидерами M&A-сделок были нефтегазовый сектор, банковский сектор, IT-сфера, недвижимость и строительство, а также потребительский сектор», — подчеркивает эксперт.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ФОРМАТ Юристы, занимающиеся корпоративным правом, также отмечают, что за последние годы года сформировался четкий тренд на усиление в M&A российского, а не международного права. Это связано как с изменениями в Гражданском кодексе, произошедшими еще в 2014 году, так и со сложившейся политической конъюнктурой.

В настоящее время, отмечает Наталья Дятлова, целесообразность обращения

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ОКАЗАЛА ВЛИЯНИЕ И НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК M&A. В ЦЕЛОМ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ОН СТАГНИРУЕТ

российских предпринимателей к иностранному праву при совершении между собой сделок сводится практически к нулю по причине проведенной деофшоризации. А также потому, что российское право после реформы Гражданского кодекса 2014 года достигло такого уровня, что уже может конкурировать с часто применявшимся ранее английским правом. Однако ряд положений отечественного законодательства требует дополнительной доработки в целях полноценной имплементации инструментов английского права. «В частности, речь идет об отлаживании применения институтов заверений и гарантий, а также возмещение потерь в M&A-сделках по российскому законодательству. Целесообразность обращения к английскому праву, — добавляет она, — остается только в тех случаях, когда стороной сделки выступает иностранный инвестиционный фонд или иностранная компания, правила ведения бизнеса которой не рассматривают российское право как инструмент, гарантирующий защиту от недобросовестного поведения сторон, а также возможность обратиться за рассмотрением споров в международный арбитраж».

По мнению Елены Рыбальченко, увеличение числа сделок в сфере M&A может говорить о том, что российское право становится более востребованным у участников рынка, в том числе из-за того, что свое законодательное закрепление получили многие институты и механизмы. В свою очередь, судебная практика, касающаяся применения таких нововведений, еще не сформировалась. На это, безусловно, влияет и тот факт, что с момента вступления в силу поправок в ГК РФ прошло не так много времени.

Руководитель практики корпоративного права и M&A юридической фирмы «Инфралекс» Юлия Еременко рассказывает, что к ним все чаще поступают запросы на сопровождение сделок по российскому праву, в рамках которых также оформляются опционы за нару-

шения из договоров купли-продажи акций (долей) или корпоративных договоров. «Вместе с тем нельзя не отметить, что такие запросы поступают в основном в случаях, когда сторонами сделки являются российские граждане и/или компании. Нерезиденты по-прежнему предпочитают совершать сделки по английскому праву. По нашему мнению, существующая на российском рынке тенденция выбора российского законодательства для сделок M&A в 2020–2021 годах сохранится. Кроме того, совершение нотариальных сделок M&A станет проще. С конца 2020 года не нужно будет обеспечивать одновременное присутствие сторон у нотариуса при совершении сделки, договор смогут удостоверить несколько нотариусов», — напоминает она.

За последние годы изменения законодательства в области слияний и поглощений были разнонаправленными, делает выводы госпожа Агаева. «С одной стороны, государство усиливало контроль над обществами, имеющими стратегическое значение, например, путем предоставления премьер-министру права самостоятельно передавать любую сделку с участием иностранного инвестора на рассмотрение правительственной комиссии для решения вопроса о возможности ее осуществления. С другой стороны, продолжался тренд по внедрению в российское законодательство широко используемых в мире инструментов, позволяющих гибко структурировать сделки. Это дает возможность подчинять все большее число сделок отечественному праву. Например, была введена конструкция договора эскроу. Кроме того, была закреплена возможность передачи ряда корпоративных споров в постоянно действующие арбитражные учреждения (третейские суды). Данную новацию поддержал и Верховный суд, который дал разъяснения по институтам заверений об обстоятельствах возмещения потерь — ключевым конструкциям сделок слияний и поглощений», — резюмирует эксперт. ■

«НЕВОЗМОЖНО ПОДХОДИТЬ К РОССИИ С МЕРКАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА»

В ЯНВАРСКОМ ПОСЛАНИИ К ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ВЛАДИМИР ПУТИН ФАКТИЧЕСКИ ДАЛ СТАРТ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ В СТРАНЕ. КОРРЕСПОНДЕНТ ВG МАРИНА ЦАРЕВА ПОГОВОРИЛА С ДЕКАНОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (СПБГУ) И ЧЛЕНОМ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО ПОДГОТОВКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ О ВНЕСЕНИИ ПОПРАВОК В ОСНОВНОЙ ЗАКОН СЕРГЕЕМ БЕЛОВЫМ О ЕГО ВЗГЛЯДАХ НА СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, О ПРОБЛЕМЕ НЕИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ (КС) И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (ЕСПЧ) И ОЖИДАНИЯХ ОТ СЛЕДУЮЩЕГО ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА.

ЕВГЕНИЙ ТАВЛЕНКО

BUSINESS GUIDE: В 2015 году Конституционный суд признал приоритет положений Конституции перед решениями Европейского суда по правам человека, а недавно президент России Владимир Путин предложил закрепить верховенство Конституции РФ над международными обязательствами государства. Что вы думаете о такой позиции КС и предложении президента?

СЕРГЕЙ БЕЛОВ: Исходя из логики национального права КС абсолютно прав. Другое дело, что логика международного права другая и не стыкуется с логикой конституционной. Это определенный правовой парадокс: мы видим буквальные противоречия между положениями Конституции, провозглашающими ее верховенство, и положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, где сказано, что государства не могут ссылаться на нормы национального права для обоснования неисполнения международных обязательств. Между этими нормами найти компромисс довольно сложно, и он не может быть найден формально.

Я не сторонник внесения изменений в Конституцию и не считаю, что статья 15 Конституции сформулирована неудачно. Отчасти ее формулировку можно объяснить тем, что при подготовке текста Конституции в 1993 году многие настаивали на том, чтобы Россия вошла в число тех стран, национальное право которых подчиняется международному праву. К чести разработчиков использованная там формулировка требует соответствия международным договорам российских законов, но вовсе не указывает на приоритет международного права над Конституцией. В этом отношении норма сформулирована очень аккуратно и правильно. Другое дело, что толкуют ее по-разному.

BG: Как в этом случае поступают другие страны?

С. Б.: Если у них достаточно политического и экономического могущества и влияния, они провозглашают приоритет национальной конституции над международными договорами. Если нет — подчиняют свое национальное право международным актам. Едва ли это соответствует идеальным представлениям о праве, но такова политическая реальность. Например, США вообще редко связывают себя международными обязательствами, а если и заключают

международные договоры, то придают им статус обычных законов, не имеющих приоритета перед Конституцией. Аналогичный статус имеют законы в правовой системе Германии, Франции, Испании. Другие страны (Великобритания, Канада) вообще не допускают действия международного права без его имплементации в национальное право.

BG: Недавно в Конституционный суд поступила жалоба на нормы Гражданского процессуального кодекса и федеральных законов «Об исполнительном производстве» и «О Конституционном суде». Заявители, семья Однорядцевых из Москвы, приобрели квартиру, которая ранее была незаконно приватизирована, и теперь город истребует свое имущество по суду. Оспоренные нормы не позволяют заявителям воспользоваться решением КС от 2017 года о несоответствии Конституции п. 1 ст. 302 Гражданского кодекса об истребовании государством имущества от добросовестного приобретателя. По сути, такая жалоба сводится к тому, что люди вынуждены не по одному разу доказывать неконституционность каких-либо норм, поскольку решения КС в реальности не исполняются. Как можно с этим бороться, исключая подачу жалоб в КС по второму кругу?

С. Б.: Каждый элемент судебной системы может внести свой вклад в решение этой проблемы. Наш Конституционный суд отличается тем, что старается использовать максимально мягкие варианты решений: не признавая норму неконституционной, он старается истолковать ее в конституционно-правовом смысле, не провозглашать ее неконституционной, хотя бы и в какой-то части, а ограничить ее применение допустимым с конституционной точки зрения. Мне кажется, что КС во многих случаях мог бы действовать более решительно и, выбирая между двумя формулировками «норма частично конституционная» или «норма частично неконституционная», использовать второй вариант. Однако по ряду причин, насколько я понимаю, избегая острых и конфликтных формулировок в решении, которое в результате может стать неэффективным и тем самым не только не достичь своей цели, но и умалить авторитет суда, КС старается действовать помягче. Если бы он действовал чуть жестче, то было бы больше определенности, в том числе и у судов общей юрисдикции и законодателя.

При этом Конституционный суд во многих решениях пишет очень правильные вещи. По содержанию это действительно применение конституционных положений: о недопустимости избыточного регулирования, о поддержке доверия к государству со стороны граждан, об обеспечении равенства и разумной стабильности правового контроля.

BG: По вашим оценкам, неисполнение решений КС можно считать массовой проблемой?

С. Б.: В смысле следования общим подходам и принципам, которые провозглашает Конституционный суд в своих решениях, — да, и корни этой проблемы лежат очень глубоко. Очевидно, эти корни уходят в советское прошлое, потому что Конституция советского времени никогда не была актом прямого действия. Никто не привык к тому, что Конституция действует непосредственно. С момента, когда на Конституцию стали смотреть иначе, прошло уже более 30 лет. Однако значительную часть и судейского

корпуса, и других правоприменителей (особенно в руководстве) все еще составляют люди, получившие образование в СССР. Представления о конституционных нормах и принципах у них совсем не те, которые вкладывают в нормы Конституции сейчас и ученые, и Конституционный суд. В нашей правовой системе сильно не хватает того, что судья КС Николай Бондарь называет «конституционализацией отраслей законодательства».

BG: В прошлом ежегодном отчете ЕСПЧ впервые обратился к проблеме выхода России из Совета Европы, назвав это «большой бедой» и уточнив, что это «нанесет огромный ущерб правам человека в РФ». В прошлом году эта тема активно обсуждалась на самых разных уровнях. Это все еще может произойти?

С. Б.: Такую тревогу могли спровоцировать два обстоятельства: неуплата Россией взноса в Совет Европы и фактическое неисполнение ряда решений ЕСПЧ. Первая проблема решилась прошлым летом: Россия заплатила взнос, соответственно, поводов подозревать за нашей страной намерение выйти из Совета Европы осталось меньше. По поводу второго я бы обратил внимание на то, что именно в 2019 году состоялось первое за всю историю решение ЕСПЧ о неисполнении его же решения, и оно было вынесено в отношении Азербайджана, а не России. Такое событие можно оценивать по-разному, но оно показывает, что неисполнение решений ЕСПЧ в России, по оценке самого суда, — не чья-то злая воля или намеренная политика со стороны органов власти, это скорее объективные сложности.

Комитет министров Совета Европы определяет порядок исполнения решений ЕСПЧ: какие должны быть приняты меры индивидуального характера и меры общего характера. К первому относят восстановление прав конкретного человека и выплату компенсации, ко второму — устранение возможности для наступления аналогичных последствий в будущем. Россия всегда старается выплачивать компенсации, а как показал в очередной раз проведенный нами в середине этого года мониторинг исполнения решений ЕСПЧ (предыдущий мы проводили еще в 2013 году), за последние несколько лет сильно изменилась к лучшему и ситуация с пересмотром гражданских дел, в связи с которыми ЕСПЧ устанавливал нарушение прав человека.

BG: А что с мерами общего характера?

С. Б.: С ними сложнее. Они требуют значительных, иногда системных и глобальных изменений, и не только правового регулирования, но и реальной практики. Подумайте — если бы вы стали президентом страны, вы были бы уверены, что сможете реализовать все, что считаете правильным? Что ваши решения не будут искажаться, неверно интерпретироваться, саботироваться? Я — нет. Для того чтобы изменить социальную систему, во многом доставшуюся нам в наследство от прошлого, нужно поменять сознание, поведение и практику огромного количества людей: судей, работников исполнительной системы, всех надзорных органов. Это такой огромный социальный механизм, что даже при правильных сигналах сверху изменения происходят очень медленно и неохотно. ЕСПЧ указывает России на несколько системных проблем, например, на ненадлежащие условия содержания под стражей (которые у нас пока еще сильно далеки от европейских). Понятно, что здесь не-

достаточно одного волевого решения изменить ситуацию. Шаги предпринимаются, но эффект от них наступает не сразу. Для решения проблемы судебной волокиты несколько лет назад в России был издан закон о компенсациях за неоправданно затянутые сроки судебного разбирательства. Проблему он не решил, хотя и улучшил ситуацию. По моему мнению, если Комитет министров Совета Европы и ЕСПЧ видят какие-то усилия со стороны государства, они понимают, что здесь нет стремления игнорировать решения суда, а есть трудности, с которыми наша страна сталкивается в их исполнении. Мнение о том, что Россия вообще отказывается исполнять решения ЕСПЧ, явно не соответствует действительности.

BG: Повлияла ли, по вашему мнению, сама дискуссия о выходе России из Совета Европы на состояние дел?

С. Б.: Мне кажется, нет. Политика России в отношении решений ЕСПЧ давно сформулирована как стремление к максимальному встраиванию в систему европейской защиты по правам человека. Существенное изменение отношений мы видим как в принципиальных политических решениях, так и в более частных вопросах: например, какие представители назначались от России для работы в Страсбурге. Я был мало знаком и с Павлом Лаптевым (уполномоченный России при ЕСПЧ с 1999 по 2008 год. — **BG**), и с Георгием Матюшкиным (занимал аналогичную должность с 2008 по 2017 год. — **BG**), но, как я слышал, когда пришел Михаил Гальперин, кстати, выпускник и преподаватель СПбГУ, многие признали, что это качественное изменение представления позиции России во всех делах. Аргументация позиции, способы ее представления, доказательства, которые направляются в суд, демонстрируют, что Михаил Львович старается играть по принятым там правилам, очень профессионально.

BG: Много ли Россия потеряет, если все-таки покинет Совет Европы и у россиян пропадет возможность подавать жалобы в ЕСПЧ?

С. Б.: Конечно. Я надеюсь, что этого все-таки не случится. С одной стороны, механизм защиты в ЕСПЧ создает сложности, поскольку есть глубокое расхождение культуры в Европе и России на ценностном уровне. С другой стороны, это одна из форм взаимодействия, где есть возможность услышать друг друга. Если мы не готовы толковать право на защиту частной жизни как основание защиты сексуальных меньшинств на публичное представление своей культуры, то это наши национальные устои, а не обязательное ущемление чьих-то прав. В Европе тоже это понимают и не пытаются совсем грубо навязать нам все те установ-ки, которые исповедуют сами.

Невозможно подходить к России с мерками западноевропейского общества. Однако ЕСПЧ защищает, в том числе, те права, которые являются ценностью и для нашей страны, но, в силу разных причин, не могут быть воплощены. В России, наверное, не найдется человека, который всерьез будет утверждать, что пытки — это нормально. Если мы говорим о дополнительном механизме защиты от неэффективного контроля со стороны судов за правоохранительными органами, то здесь ни при чем никакая система ценностей или политические мотивы. Никакие обстоятельства в этом случае не могут оправдать нарушение прав человека. И я надеюсь, что те, кто принимает решения в России,

это прекрасно понимают. Лишившись этого механизма, мы закрываем возможность дополнительного и эффективного инструмента противодействия таким нарушениям прав человека, которые ни у кого язык не повернется назвать иначе.

BG: Стало ли право в России более политизированным за последние годы?

С. Б.: Я бы сказал, что оно стало более отчетливо делиться на то, что имеет политическое измерение, и на то, что его не имеет. В отношении первого можно считать, что право стало более политически зависимым, в отношении второго скорее наоборот. Например, если бы в случае с «регуляторной гильотиной» мы держались за какие-то принципы, которые провозглашались в политически чувствительных областях, никакого продуктивного обсуждения и работы над ней не состоялось. Здесь же видно стремление к созданию объективной системы, работающей на принципах свободного рынка, защиты предпринимательства и стимулирования инвестиций.

Сейчас пространство для диалога между сторонниками разных путей развития России уменьшилось, и это отражается на праве. Стало больше нетерпимости и жесткости в отстаивании своей позиции. Взаимное недопонимание в обществе усиливается: многие, в том числе защитники плюрализма и либеральных ценностей, становятся категорически невосприимчивы к позиции других.

BG: На Петербургском международном юридическом форуме юристы хотят видеть судей, корпус которых держится от этого мероприятия довольно обособленно, за исключением, пожалуй, КС. Видите ли вы проблему в отсутствии диалога между этими группами?

С. Б.: Я надеюсь, что ситуация постепенно меняется. Наш университет планирует в этом году даже организовать отдельный круглый стол совместно с Верховным судом. Руководство суда планирует более широкое участие судей в сессиях юрфорума. Другое дело, что любое участие судьи в публичном обсуждении — вопрос не очень простой. С одной стороны, для правовой системы важно, чтобы между судьями и теми, кто к ним приходит, существовал консенсус относительно содержания и толкования права. С другой стороны, если к судье попадает дело, а раньше он уже публично заявлял о своей позиции по аналогичной ситуации, это будет основанием для его отвода в процессе.

BG: Какие изменения можно ждать во взаимоотношении национального и международного права в ближайшие годы в отношении России?

С. Б.: Постепенно, особенно в областях, не имеющих отчетливой политической подоплеки, Россия ратифицирует подписанные раньше международные соглашения и договоры. Например, в 2019 году, через три с половиной года после подписания, было ратифицировано Парижское соглашение по климату. Также была ратифицирована Конвенция МОТ о стандартах социальной защиты. Это показатель актуализации обязательств России на международной арене. Я вижу такую тенденцию.

С ЕСПЧ последнее время вроде проходит без больших конфликтов и скандалов. Если так будет и дальше, постепенно выстроится конструктивный диалог без взаимных заявлений в духе «наши решения — это единственный правильный подход, и не важно, что по этому поводу думают другие». ■

«ВОПРОС УСТАНОВЛЕНИЯ КОНЕЧНОГО БЕНЕФИЦИАРА СТАНОВИТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА»

С 2012 ПО 2018 ГОД ЧИСЛО ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА, ВОЗРОСЛО НА 41,5%, С 26 ДО ПОЧТИ 37 ТЫС. КОРРЕСПОНДЕНТ ВГ ЕКАТЕРИНА ДАНИЛОВА ПОГОВОРИЛА СО СТАРШИМ ПАРТНЕРОМ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ «ССП-КОНСАЛТ» СЕРГЕЕМ ПРИВАЛОВЫМ О ВЛИЯНИИ УВЕЛИЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА БАНКРОТНЫХ ПРОЦЕДУР НА БИЗНЕС, ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОЖИДАЕМЫХ ЗАКОНОПРОЕКТАХ.

BUSINESS GUIDE: Число юрлиц, находящихся в процедурах банкротства, возросло за семь лет на 41,5%, с 25 855 до 36 596, с 2012 по 2018 год. Число компаний, признанных банкротами, выросло на 2,4% в первом квартале 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. Тогда эксперты отмечали, что их количество приблизилось к естественному уровню, однако затем пошел новый рост такой процедуры. С чем, по вашему мнению, это связано?

СЕРГЕЙ ПРИВАЛОВ: Здесь стоит отталкиваться от двух причин: экономических и изменений в законодательстве. Изменения в экономике напрямую влияют на количество банкротств, однако стоит учитывать, что изменения не происходят сиюминутно. Рост числа банкротств в 2019 году может являться последствием изменений, произошедших в предыдущие несколько лет. Если говорить о законодательных причинах, то на ситуацию с банкротствами сильно повлияло ужесточение монетарной политики, контроля за свободно гуляющими денежными средствами — все это было направлено на борьбу с незаконным отмыванием денег и компаниями-однодневками. Если раньше компанию с долгами можно было переоформить в другой регион и никто из кредиторов даже не стал бы инициировать против нее процедуру банкротства, то сейчас перерегистрировать юрлицо с долгами практически невозможно. Также появились дополнительные мотивы для возбуждения дел о банкротстве, в том числе возможность привлечения конечного бенефициара к ответственности. Иными словами, в оборот банкротных процедур вовлекаются те компании, которых там раньше не было. Поэтому связывать рост числа банкротств только с экономическим кризисом я бы не стал.

BG: Как увеличение количества банкротств отражается на бизнесе?

С. П.: Если говорить о банкротстве как о ликвидации бизнеса, то рост их числа, безусловно, вредит бизнесу, нарушаются производственные и финансовые цепочки, что негативно сказывается на экономике. В то же время рост банкротств, связанный с обелением процедур ликвидации компаний, — это положительный момент, сокращающий число незаконных схем вывода активов и обмана кредиторов.

BG: Несмотря на увеличение количества банкротных процедур, доля возвратов денежных средств все равно остается низкой, что приводит к увеличению числа заявлений о привлечении контролируемых лиц к субсидиарной ответственности.

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

Есть ли какие-то особенности в подобных процедурах?

С. П.: Еще несколько лет назад к субсидиарной ответственности привлекали редко и в основном директоров или в крайнем случае мажоритарных акционеров, указанных в ЕГРН. Сейчас законодатель и судебная практика расширили круг лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, появилось понятие «контролирующие должника лица» — фактически это конечные бенефициары бизнеса. В делах, которые мы ведем, вопрос установления конечного бенефициара становится значительной частью судебного процесса, поскольку конечный бенефициар прячется за длинной цепочкой различных лиц и напрямую в бизнесе не фигурирует. Сложным также представляется и установление в судебном процессе времени, когда организация фактически стала банкротом.

BG: В конце прошлого года Верховный суд разрешил привлекать к субсидиарной ответственности даже наследников должника. К чему может привести такая позиция ВС?

С. П.: Я не думаю, что это сильно повлияет на общую ситуацию. Количество случаев, где лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, умирает, оставляя при этом огромное количество активов, которые делятся между родственниками, чрезвычайно мало. Отдельно, с моей точки зрения, можно лишь отметить дела, когда требования к субсидиарной ответственности предъявляются после смерти наследо-

дателя. Бывают случаи, когда со стороны сделка кажется убыточной, но на самом деле в тот момент она была необходима компании. Например, убыточный контракт был заключен для того, чтобы получить новый и выгодный, а компании были нужны оборотные деньги. Или когда предприятие закупает товар по цене выше рыночной, потому что не получив его вовсе, оно может сорвать важные для нее сроки. Прийти в суд и дать такие финансовые расклады может только человек, находящийся внутри такой системы. И когда он умирает, его родственники в 99% подобной информацией просто не обладают.

BG: При банкротстве доля возвратов остается низкой, а оздоровления компании все равно не происходит. Получается, смысл процедуры теряется. Если такие ситуации встречаются действительно часто, можно ли их как-то изменить на более высоком уровне?

С. П.: Сегодня многие говорят о том, что законодательство о банкротстве у нас прокредиторское и фактически ликвидационное. Закон максимально направлен на защиту интересов кредиторов и подходит для того, чтобы быстрее распродать все активы и закрыть предприятие. Это связано с тем, что ключевыми лоббистами законодательства о банкротстве являются крупные банки и налоговые органы. И те, и другие в большинстве случаев выступают именно в роли кредиторов и редко бывают заинтересованы в сохранении бизнеса.

Нам кажется, что законодательное закрепление новой реабилитационной процедуры в делах о банкротстве необходимо, однако говорить о таких перспективах нужно осторожно, поскольку есть шанс, что использовать ее могут в корыстных целях и со злоупотреблениями.

BG: Каких тенденций в сфере банкротства юридических лиц можно ожидать в 2020 году?

С. П.: Одно из главных ожиданий — принятие всех тех законопроектов, которые касаются банкротной процедуры и находятся сейчас на рассмотрении в Государственной думе. Особенно ожидаемым является законопроект об усовершенствовании института арбитражных управляющих и введение новых реабилитационных процедур в банкротства. Актуальным останется вопрос субординирования требований аффилированных контролируемых лиц. Сейчас суд обыгрывает ситуацию с аффилированным займом каждый раз по-разному. Такая практика должна измениться после выхода обзора Верховного суда, которого мы ожидаем.

Помимо этого, сильной остается тенденция к усилению налоговых органов. В этом виден основной посыл государства, связанный с ужесточением контроля за налогами, что проявляется также в изменениях в Уголовном и Налоговом кодексах. Даже субсидиарную ответственность можно назвать правкой, внесенной под воздействием ФНС. ■

ИГРЫ В МОНОПОЛИЮ

КАК НИКОГДА БЛИЗКО ПОДОШЛО К ВОПРОСУ ПОСТЕПЕННОГО ВВЕДЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СУДАХ. В 2020 ГОДУ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАМЕРЕНО РАССМОТРЕТЬ КОНЦЕПЦИЮ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ОКОНЧАТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛИТЬСЯ СО СРОКАМИ И ФОРМАТОМ НЕОБХОДИМЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.

АНДРЕЙ СЕМЕРИКОВ

Разговоры о необходимости реформирования российского рынка профессиональной юридической помощи и введения так называемой адвокатской монополии ведутся уже более десяти лет. В 2017 году власти приблизились к решению вопроса, и Министерство юстиции РФ разработало и опубликовало Концепцию регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Согласно одному из пунктов концепции, представительство в судах к 2023 году будут вправе осуществлять только адвокаты. Документ активно обсуждался на разных уровнях и получил неоднозначную оценку со стороны профессионального сообщества. В ноябре 2019 года Дмитрий Медведев (на тот момент занимавший пост премьер-министра РФ) на встрече с представителями адвокатского сообщества заявил, что к началу марта концепцию планируют внести в правительство, а окончательное решение по ней должно быть принято в середине года.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ На сегодняшний день в России адвокатская монополия закреплена лишь в уголовном судопроизводстве. Марина Филиппова, юрист практики имущественных и обязательственных отношений юридической службы «Амлекс», напоминает, что еще в 2015 году был принят и вступил в силу Кодекс административного судопроизводства РФ, регламентирующий рассмотрение споров граждан и органов власти, где законодатель предусмотрел понятие квалифицированной юридической помощи, которая сводилась к тому, что при обращении в суд с административным иском представитель должен обладать высшим юридическим образованием.

Очередным важным шагом на пути к введению адвокатской монополии стали вступившие в силу с 1 октября 2019 года поправки к ГПК и АПК, согласно которым представительство в судах могут осуществлять только адвокаты или лица, имеющие высшее юридическое образование.

«Причем документ об образовании нужно представить в судебном заседании. Исключение составляют дела, рассматриваемые мировыми судьями и районными судами. В этом случае образовательный ценз не применяется. Также образовательный ценз коснулся и арбитражных судов», — поясняет Мария Замолоцких, юрист Европейской юридической службы.

По оценкам Ильи Жарского, управляющего партнера экспертной группы Veta, изменения в Арбитражный и Гражданский процессуальные кодексы можно считать шагами, направленными на установление адвокатской монополии. «Законодательно закрепленные требования к подтверждению квалификации, профильного высшего образования или степени в сфере права, предъявляемые к лицу, представляющему интересы бизнеса в суде, предполагают по-

вышение качества услуг. Квалифицированный специалист, тем более юрист, имеет больше шансов на успешную защиту своего клиента. Кроме того, может существенно сократиться и количество откровенно безграмотных исков, подаваемых в суды и увеличивающих и без того высокую нагрузку на них», — считает господин Жарский.

Минувший год стал очень продуктивным с точки зрения законодательных инициатив, касающихся адвокатской деятельности. Так, в начале декабря 2019 года президент России одобрил поправки в закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». По словам Дарьи Борисовой, партнера юридического бюро «Григорьев и партнеры», данный шаг стал сигналом всему профессиональному сообществу о том, что от обсуждений и сбора мнений по проблемным вопросам законодатель перешел к решительным действиям.

Одной из главных новелл документа стала легитимизация гонорара успеха. С 1 марта 2020 года гонорар успеха может легитимно применяться в качестве условия оплаты юридической помощи адвокатов по гражданским делам. Ева Тимофеева, советник по трудовым вопросам компании «ССП-Консалт», считает, что появившаяся возможность получения адвокатами гонораров успеха действительно является прорывом, поскольку ранее включение данных условий в договоры с физическими лицами признавалось судами незаконным, а законным образом адвокаты получить данное вознаграждение не могли, через суд с задолжавших клиентов эти суммы было не взыскать.

По мнению Дениса Качкина, управляющего партнера, руководителя практики по инфраструктуре и ГЧП «Качкин и партнеры», иногда складывается такое ощущение, что те, кто занимается реформированием юридической профессии, работают на «почасовке». «Это именно тот случай, когда уже не только со стороны кажется, что процесс важнее результата. Игры в монополию (адвокатскую) начались около десяти лет назад, рынок видел уже не одну концепцию реформирования, но пока что серьезного прогресса не наблюдается», — рассказывает господин Качкин. — Попытка сделать более привлекательной профессию адвоката за счет легализации в конце прошлого года так называемого гонорара успеха, «исключительно для адвокатов» сложно назвать системной и продуманной мерой. Очевидно, что подобный способ оплаты гонорара юриста должен автоматически распространяться и на иные виды правовых услуг».

Резонансной поправкой к закону также стала норма о лишении права на судебное представительство в отношении лиц, лишенных адвокатского статуса по «неблагоприятным основаниям».

По словам Александра Суркова, адвоката по уголовным делам в сфере экономических преступлений, к таким основаниям

в частности относятся лишение адвоката статуса адвокатской палатой в случае нарушения норм Кодекса профессиональной этики, неисполнения обязательств перед доверителем, незаконного использования информации, полученной адвокатом в связи осуществлением профессиональной деятельности, а также вступившим в силу приговором суда о признании виновным в совершении умышленного преступления. «Многие коллеги весьма недовольны этими изменениями, поскольку ясно, что все процедуры будут „обкатываться“ на живых, действующих людях, и тут возможны и ожидаемы нарушения и злоупотребления», — комментирует господин Сурков.

В качестве прочих «предвестников» адвокатской монополии, которые прослеживаются в принятых поправках, Анатолий Петров, партнер юридического бюро «Григорьев и партнеры», выделяет введение термина «адвокатская профессия», а также снижение стажа адвокатской деятельности, необходимого для учреждения адвокатского кабинета и коллегии адвокатов. «Снижение стажа с пяти до трех лет можно интерпретировать как попытку законодателя насытить рынок юридических услуг адвокатскими образованиями в преддверии адвокатской монополии», — считает господин Петров.

По его словам, вызывает некоторую настороженность отмена запрета занимать должность президента адвокатской палаты более двух сроков подряд. «Такое регулирование — при наличии „пожизненных президентов“ — может привести к росту управляемости адвокатского сообщества и его централизации», — поясняет Анатолий Петров. — Изложенное особенно актуально с учетом количества средств давления на адвокатов — включая вышеупомянутый запрет на профессию для тех, кто лишился статуса. А лишиться его с 01.03.2021 будет просто. Достаточно пару раз неверно составить адвокатский запрос».

В свете таких новелл поправки, допускающие определение цены правовых услуг с привязкой к результату оказания адвокатом юридической помощи («гонорар успеха»), выглядят сахарной пудрой на горькой пилюле, призванной «задобрить» адвокатское сообщество и практикующих юристов, считает господин Петров.

ПЛЮС ДЛЯ РЫНКА Дискуссии о необходимости введения адвокатской монополии ведутся уже более десяти лет, и за это время у реформы появилось немало сторонников. Денис Качкин полагает, что объединение профессии будет являться благом не только для рынка, но и для общества в целом. «Если появится сильная самоуправляемая организация, основным запросом которой станет справедливая и независимая от власти судебная система и целенаправленно действующая для достижения позитивного результата, то в конечном счете выиграют

все. Происходящий сегодня вялотекущий процесс „реформирования“ красноречиво подтверждает осознание такого сценария властью как нежелательного», — рассуждает господин Качкин. — Еще один плюс от введения монополии — повышение стандартов и соблюдение этики в вопросах оказания правовой помощи. Если юрист будет понимать, что лишение статуса не позволит ему больше заниматься профессиональной деятельностью, он тысячу раз подумает, прежде чем вписываться в какие-то этически сомнительные или даже коррупционные схемы. Лишенный статуса адвокат, если он не практикует уголовное право, может спокойно продолжать свою профессиональную деятельность и без специального статуса».

По мнению Анжелики Решетниковой, адвоката, партнера адвокатского бюро «Бишенов и партнеры», введение монополии на рынке юридических услуг — единственное верное решение. «Это своего рода „лицензия“ на осуществление деятельности. Мы же не ставим под сомнение и обсуждение осуществление на профессиональной основе авто-, авиа-, морских, железнодорожных перевозок пассажиров. Никто не ставит под сомнение „монополию“ медицины, так как эта деятельность сопряжена с жизнью и здоровьем людей», — поясняет Анжелика Решетникова. — В современном обществе в России деятельность ЧОП, СРО, нотариата и прочих видов деятельности объединена и подчинена строгим и единым правилам, и оказание юридической помощи на непрофессиональной основе порой может причинить не только имущественный вред доверителю, но и повлечь плачевные последствия».

По ее словам, основное отличие «свободных» юристов от адвокатов, в полном отсутствии ответственности за качество оказания помощи. Адвокат несет личную ответственность перед доверителем и адвокатской палатой. И в случае обоснованной жалобы доверителя на его услуги может быть лишен адвокатского статуса.

Евгений Карноухов, управляющий партнер Alliance Legal CG, считает, что существует очевидная связь между отсутствием профессионального представительства и сохранением в России следственного, так называемого инквизиционного, судопроизводства. «Иными словами, российские судьи вынуждены быть активными помощниками сторон (а зачастую фактически подменять их функцию) в процессе рассмотрения дела, поскольку сами стороны не всегда представлены профессиональным представителем — судебным адвокатом или судебным юристом. Суд, таким образом, редко может установить все обстоятельства по делу без собственного активного вмешательства, фактически оставаясь следователем по делу», — поясняет господин Карноухов. → 24

23 → ЛОЖКА ДЕГТЯ Участники рынка обращают внимание на то, что наряду с позитивными аспектами введения адвокатской монополии возможны и отрицательные последствия.

«Необходимо понимать, что адвокатская монополия чревата существенным сокращением уровня конкуренции, а это всегда ведет к повышению уровня цен на рынке услуг. Ограничение конкуренции на таком и без того узком и специфическом рынке в конечном итоге приведет к тому, что услуги адвокатов станут дороже, а услуги дорогих адвокатов станут доступны только очень и очень узкой категории лиц,— рассуждает Илья Жарский.— Хорошо ли это? Вопрос спорный, учитывая, что в арбитраже споры могут длиться годами и „кочевать“ от инстанции к инстанции, соответственно, рост стоимости услуг юристов, представляющих стороны в суде, будет негативно сказываться на судебных расходах, в первую очередь проигравшей стороны».

Дарья Борисова считает, что сегодня рынок юридических услуг сформированный с учетом принципа свободной и открытой конкуренции в адвокатской монополии не нуждается. «У адвокатской монополии, несомненно, как и у любого вновь создаваемого института, существуют свои

плюсы и минусы, однако невозможно не отметить тот факт, что в переходный период и, возможно, некоторое время после окончания реформы именно адвокаты, чья деятельность не претерпит существенных изменений, будут в более выигрышном положении относительно юристов и юридических компаний, которые будут вынуждены адаптироваться к новым правилам и реалиям „монопольного рынка“,— поясняет госпожа Борисова.— Более того, на сегодняшнем этапе реформы и, как видится, в дальнейшем, законодатель не предусмотрел никаких материальных компенсаций, несмотря на то, какие колоссальные личные финансовые потери будут нести субъекты предпринимательской деятельности, предоставляющие услуги в сфере права в связи с введением адвокатской монополии».

Ева Тимофеева полагает, что введение монополии на представительство в судах дискредитирует само высшее юридическое образование, которого станет недостаточно для полноценной деятельности в сфере правоприменения из-за отсутствия доступа к судебным процессам. Кроме того, данная реформа, по ее словам, может привести к монополии адвокатских палат, у которых появится возможность устанавливать административ-

ные барьеры для «неугодных» адвокатов или юристов.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ Пока в России ведутся жаркие споры о необходимости введения адвокатской монополии, во многих странах мира она давно и успешно работает. Анжелика Решетникова отмечает, что монополия внедрена в Германии, Франции, Венгрии, Дании, Швейцарии, Португалии, Чехии, Греции, Китае, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и странах Латинской Америки.

«В Великобритании судебная система разделяет адвокатов на барристеров, которые могут представлять клиентов во всех судах Англии и Уэльса, и солиситоров, которые занимаются консультированием и подготовкой судебных документов и могут представлять клиентов только в магистратских судах и судах графств,— рассказывает госпожа Решетникова.— Абсолютную адвокатскую монополию ввели и страны Ближнего Востока, такие как Иордания, Катар, Ливан, Израиль и Оман. В азиатском регионе абсолютная монополия практикуется в Южной Корее, Гонконге и на Тайване. Монополия на судебное представительство и консультирование по правовым вопросам существует и в Турции, Египте, Нигерии, Алжире, Марокко».

Мария Замолоцких добавляет, что в США нелегализованное занятие юридической практикой во всех штатах влечет за собой уголовную ответственность: «Наказания за самовольное занятие юридической практикой в зависимости от штата могут включать лишение свободы (от года до пяти лет в окружной тюрьме), штрафы (по тяжким преступлениям от \$5 тыс.), условный срок и возмещение ущерба».

Однако есть страны, где адвокатская монополия де-юре отсутствует, но де-факто существует, так как граждане предпочитают обращаться за квалифицированной правовой помощью. Подобная ситуация сложилась в Швеции и Финляндии.

Ева Тимофеева предполагает, что российские законодатели решили следовать примеру Великобритании и США, где юристы имеют разный статус и не все имеют право выступления в суде, а адвокаты с многолетним безупречным стажем наделяются особым статусом. «Открытым при этом так и остался вопрос о необходимости наделения адвокатским статусом юристов, занимающихся консультированием, инхаус-юристов, юристов-бизнесменов, а также иностранных юристов, консультирующих в России»,— резюмирует госпожа Тимофеева. ■

РОССИЙСКИЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ РЕШИЛИ СЛЕДОВАТЬ ПРИМЕРУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США, ГДЕ ЮРИСТЫ НАДЕЛЕНЫ РАЗНЫМ СТАТУСОМ И НЕ ВСЕ ИМЕЮТ ПРАВО ВЫСТУПЛЕНИЯ В СУДЕ

ПРЕЗУМПЦИЯ ПРЕВЕНТИВНОСТИ

ЛУЧШИЙ СПОСОБ ИЗБЕЖАТЬ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТ ОБЩЕНИЯ С КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫМИ ОРГАНАМИ — НЕ ТОЛЬКО СОБЛЮДАТЬ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НО И ВЕСТИ ПОСТОЯННЫЙ АУДИТ СОБСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ТАКОВ ОСНОВНОЙ ВЫВОД ПРАКТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ «УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ: КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ И РИСКИ ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ», ОРГАНИЗОВАННОЙ ИД «КОММЕРСАНТЪ» В ПАРТНЕРСТВЕ С АДВОКАТСКИМ БЮРО «ЕГОРОВ, ПУГИНСКИЙ, АФАНАСЬЕВ И ПАРТНЕРЫ». ТАТЬЯНА КАМЕНЕВА

Татьяна Ножкина, партнер АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», сосредоточилась в своем выступлении на тенденциях, особенностях и опасностях для бизнеса при проведении проверок контрольно-надзорных органов. Она констатировала: в нынешнем году впервые с 2014 года таких проверок стало больше. Причем лидирует по числу внеплановых проверок Москва, а вот наибольшее количество плановых проверок контрольно-надзорных органов (без учета Федеральной налоговой службы, прокуратуры и Центробанка РФ) пришлось на Санкт-Петербург.

Новой тенденцией в организации плановых проверок предприятий стало применение риск-ориентированного подхода. «Все предприятия теперь делятся на категории в зависимости от степени риска. Это влияет на частоту плановых проверок. Присвоенная предприятию категория не приговор: ее можно оспорить в судебном порядке. Однако следует помнить, что в любой момент даже на предприятие низкой категории риска может прийти внеплановая проверка. А ее самая большая опасность в том, что инспектор по своему усмотрению решает, есть ли на предприятии какое-либо правонарушение либо признаки преступления — в этом случае уже последует передача материалов проверки в суд», — прокомментировала спикер.

КУРС НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ Екатерина Ролетр, адвокат, старший юрист налоговой практики АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» рассказала о рисках для компаний в связи с налоговыми проверками.

В 2018 году по сравнению с 2017-м количество выездных проверок налоговых органов сократилось, по данным официальной статистики ФНС России. Но при этом результативность оспаривания решений налоговых органов с каждым годом падает. Если в 2017 году количество решений, вынесенных в пользу налогоплательщиков, составило 42%, то в 2018 году — уже 38%. И как показывает анализ судебной практики, чем выше сумма спора, тем меньше вероятность для налогоплательщика его выиграть.

Особое внимание Екатерина Ролетр уделила правоприменению ст. 54.1 Налогового кодекса РФ об общих критериях обоснованности налоговой выгоды. Она уточнила, что п. 2 ст. 54.1 НК РФ, устанавливающий условия применения расходов и вычетов в случае, если речь не идет об умышленном искажении фактов в учете в целях получения налоговой выгоды, вызывает сегодня наибольшие споры. «Ранее сформированная судеб-

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА ОТМЕЧАЛИ, ЧТО НОВОЙ ТЕНДЕНЦИЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПЛАНОВЫХ ПРОВЕРОК ПРЕДПРИЯТИЙ СТАЛО ПРИМЕНЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

ная практика предусматривала право налогоплательщика на вычет реальной стоимости, если реальность сделки доказана и налогоплательщик лишь не проявил должную осмотрительность при выборе контрагента, то есть предполагалась налоговая реконструкция по меньшей мере в части налога на прибыль. Однако на основании новых положений подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ налоговые органы настаивают на том, что ст. 54.1 НК РФ не предусматривает налоговой реконструкции, поэтому полному исключению подлежат не только вычеты по НДС, но и расходы в целях расчета налога на прибыль.

Дмитрий Фролов, руководитель правового управления АО «Петербургский тракторный завод», рассказал о внедренной в компании системе взаимодействия с контрагентами, направленной на снижение финансовых рисков для предприятия. В частности, заключению контракта с поставщиками предшествует подписание ими заявления о благонадежности с приложением расширенного пакета документов. Кроме того, служба безопасности компании проводит проверку потенциальных контрагентов. Ведется и постоянный

(ежеквартальный) контроль деятельности покупателей компании завода.

БЕНЕФИЦИАРОВ — К ОТВЕТУ Евгений Гурченко, советник, руководитель судебно-арбитражной практики АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» в Санкт-Петербурге, сделал акцент на важности превентивного подхода к работе с контрагентами, так как арбитражные суды при оценке действий менеджмента компании уделяют особое внимание соблюдению принципа должной осмотрительности. Между тем, по данным опросов представителей бизнес-сообщества, 34% компаний вообще не проверяют сведения о контрагентах в ЕГРЮЛ. «Конечно, так делать категорически нельзя. Нередки случаи, когда после заключения контракта субподрядчики начинают вести противоправные действия, что в конечном счете может закончиться привлечением неосмотрительного директора к ответственности», — предостерег господин Гурченко.

Кроме того, он развеял заблуждение о неуязвимости владельцев бизнеса. «Некоторые бенефициары по-прежнему считают, что вся ответственность ложится

на директора, который управляет компанией. До 2017 года действительно так и было, но не теперь — с введением новых норм по субсидиарной ответственности и радикального изменения подходов судов», — отметил юрист. В то же время директор находится в более слабом положении: даже если он голосовал против либо воздержался при принятии решения, но в итоге ему пришлось претворить его в жизнь, он также может нести ответственность за свои действия.

Повышенные риски для руководителя (собственника бизнеса) представляет формат холдинга. Достаточно типичный вариант организации работы в холдинге, подчеркнула Ольга Старкова, директор юридического управления АО «РЭПХ», — зависимость всех подразделений от решений верховного руководителя. В этом случае отношения между различными подразделениями холдинга никак не структурированы. Это может и не быть проблемой, если всех устраивает такое положение вещей. Однако в такой ситуации права владельца, верховного руководителя в случае неисполнения, ненадлежащего исполнения его распоряжений не защищены. → 26

25 → Елена Агаева, руководитель практики слияний и поглощений и корпоративного права АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», сосредоточилась в своем выступлении на рисках при дроблении бизнеса. Спикер перечислила основные причины, когда бизнесу целесообразно действовать не одной компанией, а быть представленным несколькими юридическими лицами. В их числе — распределение рисков, доходов и расходов, децентрализация для оптимизации управления, выход на новый рынок, продвижение нового бренда, подготовка к продаже части бизнеса. Однако в основе дробления может лежать и оптимизация налоговой нагрузки. Эта причина может оказаться «нездоровой», если базируется на стремлении получить необоснованную налоговую выгоду. «В этом случае вам могут дончислить налог таким образом, что будут учтены не все ваши расходы и уже уплаченные налоги, и в результате вы

заплатите значительно больше, чем могли бы, если бы вели бизнес в рамках одной компании», — напомнила госпожа Агаева.

ПО ПРАВИЛАМ БЕЗОПАСНОСТИ Андрей Тузов, старший юрист АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», подчеркнул важность вопросов безопасности собственного производства. «В случае несоблюдения правил безопасности, если будет установлена причинно-следственная связь допущенных нарушений или невыполнение действий, предупреждающих вредные последствия, ответственность наступает у должностных лиц, ответственных за безопасность производства. В том числе эта ответственность часто возникает у руководителя предприятия», — прокомментировал он, уточнив, что УК РФ определяет более 15 составов преступлений, по которым предусмотрена уголовная ответственность из отношений по безопасности.

16 → ДМИТРИЙ ЖЕЛНИН,
управляющий партнер
Mitsan Consulting:

— Считаю очень важным событием для Санкт-Петербурга переход на новую систему кадастровой оценки объектов недвижимости. Пересмотр кадастровой стоимости в городе проводился в 2018 году, а с 01.01.2019 новые цены на недвижимость вступили в силу. Как правило, стоимость объектов возросла, что было предсказуемо, так как предыдущая кадастровая оценка проводилась более трех лет назад. Как следствие, многие граждане и предприниматели неприятно удивились возросшей налоговой нагрузке. Так, например, по данным ФНС РФ, за девять месяцев 2019 года в Санкт-Петербурге было собрано 1,706 млрд рублей налога на имущество физлиц, что больше на 3% по сравнению с тем же периодом 2008 года; 5,271 млрд рублей земельного налога, что также больше на 3% и 30,144 млрд рублей налога на имущество организаций, что меньше на 17%. Снижение вызвано, однако, не снижением кадастровой стоимости, а исключением из объектов налогообложения движимого имущества.

КОНСТАНТИН КРУПСКИЙ,
ведущий юрисконсульт компании
«Медиа Бизнес Солюшенс»:

— В связи с тем, что сегодня интеллектуальная собственность встречается на каждом шагу, начиная с песен любимых исполнителей и заканчивая фильмами, собирающими миллионы людей у проекторов кинотеатров и экранов телевизоров, контент имеет особое значение для каждого человека XXI века, и документы, регламентирующие правовую сторону его жизни, — бесспорно, важное событие в мире российского права. Речь идет о постановлении пленума Верховного суда РФ «О применении четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации», успешно принятом 23 апреля 2019 года. В целях обеспечения правильного и единообразного разрешения судами споров об охране и о защите интеллектуальных прав был разработан достаточно объемный документ (182 пункта), разъясняющий ключевые моменты, вызывающие сложности и дискуссии между сторонами судебных разбирательств.

ВЛАДИМИР ХАНТИМИРОВ,
управляющий партнер адвокатского бюро
Asterisk:

— Одно из главных событий 2019 года в сфере юриспруденции — старт работы новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции и свершившаяся вместе с этим «процессуальная революция» в октябре 2019 года.

Главным преимуществом новой системы судов общей юрисдикции является появление реально действующей новой инстанции. Новые кассационные суды будут рассматривать все дела без исключений. Такие изменения призваны снизить коррупционные риски, влияние региональных властей и способствовать обобщению правоприменительной практики.

Вообще, «процессуальная революция» затронула все основные процессуальные кодексы — АПК, ГПК, УПК и КАС. Это позволило унифицировать процессуальное законодательство России. Новые правила отвечают современным запросам общества и обеспечивают более высокий уровень правовой защищенности. Эти события стали завершающей стадией масштабной судебной реформы в России.

КОНСТАНТИН ДОБРЫНИН,
статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов
РФ, старший партнер КА Rep & Paper:

— Юридически значимых событий года было достаточно, но все они в основном были со знаком минус. Главных же юридических событий было, пожалуй, три. Во-первых, это дело израильской гражданки Наамы Иссахар: 7,5 года лишения свободы за «контрабанду», которой не только не было, но и заведомо быть не могло. Политический заказ в чистом виде, исполненный правоприменителями бездумно и коряво. Во-вторых, это «Ингушское Болотное» дело: уголовное преследование старейшин за «организацию насилия» путем «использования ими высокого авторитета, стойких убеждений и готовности их отстаивать» и за их деятельность в Совете тейпов, задним числом объявленном противоправной организацией. Тот случай, когда резонансное дело в далекой Ингушетии сознательно замалчивается всеми центральными СМИ, а права людей массово нарушаются.

В-третьих, единственное позитивное событие — поправки сенатора Клишаса

Именно на точном понимании производственного цикла и нормативных требований к безопасности в сочетании с проактивной позицией каждого работника построена политика в области безопасности компании «Транснефть — Балтика». «Мы взаимодействуем в области безопасности с Ростехнадзором, относясь к требованиям надзорно-контрольного ведомства с пониманием. Мы не только участвуем в проверках и готовимся к ним, но и в этом году, в частности, реализуем пилотный проект „Система дистанционного контроля промышленной безопасности на опасных производственных объектах“, — рассказал Александр Ерохин, заместитель главного инженера — начальника управления безопасности труда и производственного контроля ООО «Транснефть — Балтика». Кроме того, он сообщил о системе реагирования внутри самого общества «Транснефть» на выявляемые отклонения. «Это позволяет

в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»: запрет осуществления представительства в суде адвокатами, лишенными статуса по ряду оснований, упорядочивание назначения адвокатов по уголовным делам через автоматизированную информационную систему и самое главное — законодательное закрепление гонорара успеха. Отныне все попытки криминализации гонорара успеха как преступной формы оплаты юридической помощи (способа хищения денег) более не имеют даже видимости законного обоснования. Но самое важное, что гонорар успеха, закрепленный законодательно, — это начало конца тенденции уголовного преследования адвокатов за якобы преступные действия.

ЛЮДМИЛА СЕМЕНОВА,
старший юрист Colliers International
в Санкт-Петербурге:

— На мой взгляд, 2019 год не принес каких-то переворотных событий в сфере юриспруденции. Так называемая «процессуальная революция», по сути, является обычным внесением изменений в законодательные акты, не несущим глобальных последствий для юридического сообщества, таких как, например, ликвидация ВАС в 2014 году. При этом в судебной практике стоит отметить усиление тренда привлечения контролирующих лиц в рамках проведения процедуры банкротства к субсидиарной ответственности, увеличение количества положительных решений по таким делам. Сегодня к такой ответственности могут быть привлечены не только собственники бизнеса или руководители компаний, но и юристы, и главные бухгалтеры. Впервые к субсидиарной ответственности были привлечены наследники (Определение Верховного суда от 16.12.2019 № 303-ЭС19-1556). Подобная практика защищает интересы кредиторов — особенно в случаях мошеннических схем по выводу активов из конкурсной массы должника.

АНДРЕЙ ГУСЕВ,
управляющий партнер
Borenius Russia:

— В 2019 году Россия ратифицировала Многостороннюю конвенцию по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям в целях противодействия размы-

взаимодействовать, не допуская грубых нарушений при проверках надзорного органа», — подчеркнул господин Ерохин.

В свою очередь, Денис Романов, управляющий заводом Rockwool, поделился опытом работы по достижению ряда целей устойчивого развития, сформулированных ООН. В 2015 году Rockwool приняла на себя обязательства по 10 из 17 таких целей. Для производства, в частности, ключевыми определены следующие направления: «хорошее здоровье и благополучие», «чистая вода и санитария», «ответственное потребление и производство», а также «борьба с изменениями климата». «Поставлены конкретные задачи. Так, в течение трех-пяти лет по направлению „здоровье и благополучие“ мы должны снизить количество инцидентов с потерей рабочего времени на 10% ежегодно. И мы видим, что персонал вовлекается в достижение этих целей», — резюмировал представитель Rockwool. ■

ванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения. В юридическом сообществе этот документ известен как Конвенция BEPS (base erosion/profit shifting) или MLI (multilateral instrument). Конвенция ограничивает использование налоговых льгот популярными способами, направленными на размытие налоговой базы в государстве — источнике дохода. Ее применение станет достаточно сложным упражнением для налоговых консультантов: каждое конкретное ее положение будет менять базовое двустороннее налоговое соглашение в зависимости от набора оговорок, сделанных Россией и вторым государством.

В целом принятие Конвенции и предстоящее в 2020–2021 годах внедрение ее в правоприменительную практику знаменует закат эпохи международного налогового планирования. Эффективное применение Конвенции национальными налоговыми органами совместно с уже существующими мерами (КИК, многосторонний автоматический обмен налоговой информацией) в масштабах глобального бизнеса может привести к окончательному возвращению налоговой базы «домой», к местам ее первоначального формирования.

АРТЕМ ЛЫМАРЬ,
юрисконсульт аудиторско-консалтинговой
группы «АМЛ Групп»:

— С 2019 года значительно изменена структура апелляционных и кассационных судов в пользу заявителей. Кассационную жалобу теперь рассматривают коллегии из трех судей, а не один судья. Показания в суде фиксируют на аудиозаписи. Повышен порог цены иска по арбитражным делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства: до 400 тыс. рублей (ранее 250 тыс.) для ИП и до 800 тыс. рублей (ранее 500 тыс.) для юридических лиц. Судебный приказ арбитражные суды теперь выдают по требованиям, цена которых не превышает 500 тыс. рублей (ранее 400 тыс.). Установлен предельный срок взыскания расходов на представителя в суде общей юрисдикции и арбитражном суде — три месяца с даты вступления судебного акта в законную силу. К объектам гражданских прав в России отнесены цифровые права с возможностью заключать электронные сделки. → 30

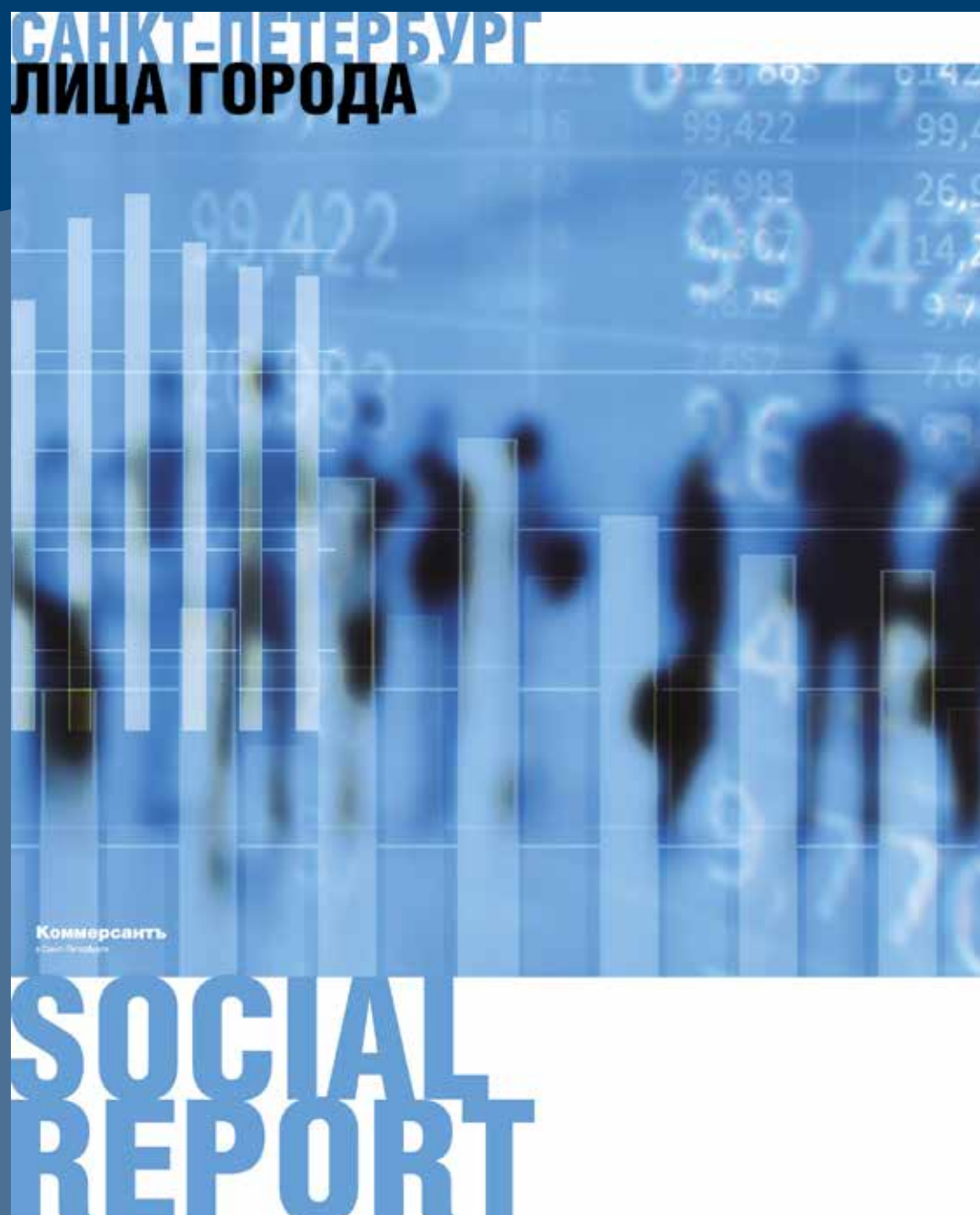
ПРЯМАЯ РЕЧЬ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ
СТРАНИЦЫ

Коммерсантъ

ЕЖЕГОДНЫЙ
ПРОЕКТ
СЕРИИ
ПРИЛОЖЕНИЙ
SOCIAL REPORT —
«ЛИЦА ГОРОДА».
САМЫЕ
ОТКРЫТЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
РУКОВОДИТЕЛИ.

Имена и фотографии
самых цитируемых
лиц города
будут представлены
на страницах
приложения
в сопровождении
справочной
информации.

30 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА

ФОРМАТ — А3.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ С ГАЗЕТОЙ «КОММЕРСАНТЪ»

РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ В ВЫПУСКЕ
(812) 325-85-96, e-mail: reklama@spb.kommersant.ru

ПРИКРЫТЬСЯ ПОЛИСОМ

одной из тенденций российского правовопорядка сегодня является усиление прокредиторских позиций. Растет ответственность руководителей компаний за предпринимаемые шаги, а соответственно, становятся более востребованными полисы страхования ответственности членов органов управления юридических лиц. Проблема заключается в неопределенности правовой квалификации данного страхового продукта.

КСЕНИЯ ПОТАПОВА

Термин D&O (Directors and Officers Liability) пришел на российский рынок в середине 1990-х годов. «Переход к рыночным отношениям, стремительное развитие бизнеса и экономики, повышение персональной финансовой ответственности руководителей высшего звена компаний предопределили возникновение D&O в нашей стране», — поясняет Никита Роженцов, старший консультант департамента юридической практики Alliance Legal Consulting Group.

Его востребованность, по мнению эксперта, очевидна: корпоративные конфликты между акционерами и участниками компаний, субсидиарная ответственность в делах о банкротстве, привлечение компаний к публично-правовой ответственности не являются редкостью. Все это приводит к возможности возложения негативных последствий от экономической деятельности на руководителей. В случае с крупным бизнесом речь, как правило, идет о взыскании многомиллионных или даже многомиллиардных сумм.

«С 2013 года в России наметилась четкая тенденция по привлечению к ответственности директоров и контролирую-

ющих компанию лиц к ответственности за принимаемые ими решения. А в последние годы она только набирала обороты», — отмечает Антон Кабаков, партнер Forte Tax & Law и член «Клуба лидеров» в Санкт-Петербурге и Ленобласти.

При этом неважно, действующий ли директор или уже нет. «Под „дамоклов меч“ подпадают все лица, принимавшие ответственные управленческие решения», — добавляет Надежда Макарова, руководитель юридического департамента национальной юридической службы «Амурс-лекс». Так, последние решения Верховного суда открыли возможность привлекать к субсидиарной ответственности не только самого директора, но и его наследников, кроме того, директора стало возможно обязать возмещать убытки, даже если он исполнял указания акционеров, приводит пример Антон Кабаков.

«Повышенные риски работы директоров признаются и на государственном уровне, в частности страхование D&O рекомендовано ЦБ (пункт 139 письма ЦБ от 10.04.2014 № 06–52/2463 „О Кодексе корпоративного управления“),» — отмечает Дмитрий Грузинцев, руководитель депар-

тамента страхования финансовых линий и ответственности АО «Греко Интернешнл».

РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА Никита Роженцов поясняет, что основными потребителями данного страхового продукта стали крупнейшие российские компании, такие как Сбербанк, ВТБ, «Россети», РЖД, «Башнефть», «Аэрофлот», «Русгидро». «Их огромные финансовые ресурсы привлекают повышенное внимание к деятельности руководителей любого уровня», — отмечает он. А инструмент D&O позволяет защитить бывших, действующих и даже будущих руководителей любого уровня (от начальников отделов и управлений до директоров, участников, акционеров, членов совета директоров и правления) от выплаты сумм многомиллионных убытков, причиненных компании в результате ошибочных или небрежных действий, нарушения служебных обязанностей.

Страхование D&O в этом случае покрывает судебные издержки, которые могут достигать нескольких десятков миллионов рублей; сопутствующие расходы на расследование, восстановление репутации; выплату возмещения третьим лицам.

«Однако не стоит забывать, что оно не является панацеей от любых неправомерных действий. Например, в случае привлечения руководителя к уголовной ответственности, как правило, речь может идти лишь о возмещении страховыми компаниями расходов на оплату юридических услуг. Во многом это обусловлено невозможностью страхования противоправных интересов, запрет на это установлен ч. 1 ст. 928 Гражданского кодекса РФ», — добавляет господин Роженцов.

Институт страхования ответственности членов органов управления компаний давно применяется в западных правовопорядках, особенно в США. В России возможно несколько вариантов D&O-страхования: страхование директоров и должностных лиц; страхование компании. «Если в первом случае страховым случаем является требование против директоров/должностных лиц, то во втором случае — требование против компании по ценным бумагам. У директоров и должностных лиц могут быть застрахованы как личные расходы, так и расходы компании, которые она понесла за директоров. В случае с компанией застрахованы могут быть только непосредственно корпоративные расходы», — отмечает Павел Озеров, заместитель генерального директора страхового брокера Mains Group.

ОПРЕДЕЛЕННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ Основной сложностью сферы российского D&O-страхования эксперты называют отсутствие ее правового регулирования, хотя данную точку зрения поддерживают не все. «Это распространенное заблуждение, что каждый договор страхования должен быть обязательно урегулирован законом. Договор страхования ответственности членов органов управления юридических лиц является комбинированным договором страхования финансовых рисков (в части возмещения расходов на защиту) и страхования гражданской ответственности за причинение вреда. И это не единственный подобный пример», — отмечает Леонид Зубарев, старший партнер, глава практики страхования CMS Russia.

Надежда Макарова отмечает, что поскольку законодательством РФ не предусмотрено разновидности договора на D&O-страхование, а применяемые страховыми компаниями правовые конструкции носят смешанный характер, то в случае конфликта они трактуются на усмотрение суда. А проблема правовой квалификации влечет неопределенность договора на D&O-страхование в целом.

«Среди правоприменителей идут споры относительно правовой квалификации данных сделок. Остается без ответа вопрос, является ли D&O-страхование договором имущественного страхова-

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛОВ НА ПРАКТИКЕ ИМЕЛИ МЕСТО СЛУЧАИ, КОГДА СТРАХОВЩИКИ ПЫТАЛИСЬ ОСПОРИТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОГОВОРА D&O-СТРАХОВАНИЯ

ния, либо речь идет о страховании ответственности по договору», — добавляет господин Роженцов. И поясняет, что отсутствие специального правового регулирования порождает неопределенность также во многих иных аспектах. Например, согласно ч. 1 ст. 928 Гражданского кодекса РФ страхование противоправных интересов не допускается. Однако если руководитель действовал недобросовестно и неразумно, то можно уже говорить, что закон был нарушен (ч. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ). И если в случае неразумного поведения руководителя еще можно хоть как-то говорить о неосторожности, то недобросовестность всегда сопровождается умышленными действиями (например, действие при наличии конфликта интересов между личными интересами директора и интересами юридического лица, сокрытие информации о совершенной сделке от участников общества). В такой ситуации нельзя исключать возможность отказа в страховой выплате, в том числе по причине ничтожности такого договора страхования. Неопределенность также имеет место в вопросе налогообложения.

Ввиду значительной стоимости D&O-страхования большинство таких договоров заключается, как правило, самой компанией, а не ее топ-менеджером. «При этом расходы на приобретение такого полиса не относятся к экономически обоснованным расходам и не являются расходами, на которые закон позволяет уменьшить налогооблагаемую базу компании. Более того, страховые взносы, уплаченные организацией по договорам страхования ответственности должностных лиц, подлежат обложению налогом на доходы физических лиц», — отмечает Надежда Макарова. «Возникает парадоксальная ситуация: обязанность оплатить НДФЛ возникает, однако определить налоговую базу невозможно», — добавляет Никита Роженцов.

Антон Кабаков обращает внимание, что в результате правовых пробелов на практике имели место случаи, когда страховщики пытались оспорить действительность договора страхования. При этом в ситуациях авансирования выплат застрахованному лицу может стать проблемой возврат таких авансов, если его действия затем будут признаны противоправными.

Никита Роженцов считает, что вывод напрашивается сам собой: необходимость введения специального правового регулирования является одной из наиболее актуальных задач для органов законодательной власти в настоящее время.

«В связи с этим важным шагом можно назвать проект федерального закона „О внесении изменений в федеральные законы „Об акционерных обществах“ и „Об обществах с ограниченной ответственностью“», представленный Минэкономразвития весной прошлого года. Правда, если закон будет принят, потребуется широкая разъяснительная работа, которая покажет руководителям все перспективы D&O-страхования», — считает Артем Деев, руководитель аналитического департамента AMarkets.

«По всей видимости, в целом проблема недостаточного правового регулирования в этой сфере в 2020 году разрешена не будет и страхователям и страховщикам пока придется по-прежнему искать решения в „серой“ зоне», — заключает Антон Кабаков. ■

ТРЕТЕЙСКИЙ АРБИТРАЖ ПЕРЕЖИВАЕТ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ

ЭКСПЕРТЫ НЕОДНОЗНАЧНО ОЦЕНИВАЮТ ИТОГИ ТРЕТЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ, НО НАДЕЮТСЯ НА УЛУЧШЕНИЕ. АРИНА МАКАРОВА

Третейская реформа привела к массовому сокращению числа таких судов. До ее начала в целом в России, по различным оценкам, их насчитывалось 1,5–3 тыс., а общее количество дел, которые рассматривались, составляло 7–8 тыс. ежегодно. В настоящее время, согласно сайту Минюста России, в стране действуют семь таких учреждений: Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Российский арбитражный центр при автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража», Арбитражный центр при Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» и Национальный центр спортивного арбитража при автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата», а также иностранные Гонконгский международный арбитражный центр (ГМАЦ) и Венский международный арбитражный центр.

«Малое количество существующих арбитражных учреждений, как правило, связано с формализмом при рассмотрении Советом Минюста России документов от заявителей на получение права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, что расценивается такими заявителями как ограничение конкуренции в сфере третейского арбитража», — комментирует заведующий МГКА «Бюро адвокатов „Де-юре“» Никита Филиппов.

Так, на конец марта прошлого года в Совет Минюста было подано 28 заявлений. Однако в большинстве случаев документы были возвращены, а по тем, которые были приняты в итоге чаще всего выносилось отрицательное решение — как отмечают эксперты, нередко по формальным причинам. «Такое положение дел исключает предпосылки к увеличению количества арбитражных учреждений в России и развитию в целом института третейского арбитража», — говорит господин Филиппов. Кроме того, по его мнению при таких обстоятельствах, помимо прочего, повышаются риски «оттока» экономических споров в иностранные третейские арбитражи, учитывая тот факт, что практически все споры с участием крупных корпораций (в том числе таких, как «Газпром», «Ростех», «Росатом»), рассматриваются в международных третейских арбитражах, расположенных за пределами России.

НЕОДНОЗНАЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ Результаты аналитических исследований, в частности, отчета Российского национального комитета Международной торговой палаты (ICC Russia) говорят о том, что к итогам третейской реформы отношение полярное. Так, половина опрошенных указали, что

ТРАДИЦИОННО ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО РАССМАТРИВАЛОСЬ КАК ХОРОШАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ГОСУДАРСТВЕННОМУ АРБИТРАЖУ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО С ТОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ЧТО, ИСПОЛЗУЯ ПОДОБНЫЙ ИНСТРУМЕНТ, МОЖНО БЫЛО РАССЧИТЫВАТЬ НА БОЛЕЕ БЫСТРОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

реформа «не сделала Россию более привлекательным местом арбитража», другая половина выразила противоположную точку зрения. По мнению господина Филиппова, причинами того, что Россия в качестве потенциального места для проведения арбитражных разбирательств не пользуется популярностью, являются недостаточная проработанность третейской реформы в России и противоречивая правоприменительная практика легализации российских судами третейских решений. К числу других причин он также относит разрешительный порядок создания и деятельности третейских судов через Минюст России, который принимает такое решение на основе экспертного мнения Совета по совершенствованию третейского разбирательства.

«По результатам исследования ICC Russia общие средние оценки и смешанное отношение к результатам арбитражной реформы свидетельствуют о несовершенстве проведенной реформы. До сих пор существуют как общие, свойственные арбитражу проблемы, так и особенные, свойственные российскому правопорядку: арбитрабельность отдельных категорий споров, соотношение третейского разбирательства и процедуры банкротства», — говорит управляющий партнер Legal to Business Светлана Гузь. — На наш взгляд, реформа показала, что в России не так много третейских судов, готовых работать на высоком уровне».

На отсутствие доверия к третейскому разбирательству, по мнению экспертов, влияет тот факт, что зачастую к третей-

скому разрешению спора прибегали для оперативного способа просуживания задолженности со стороны «дружественного кредитора» в целях инициации им процедуры контролируемого банкротства аффилированного с ним должника. «Такая форма дискредитации альтернативного третейского разбирательства в России, когда третейские суды практически становились „карманными“, в том числе ввиду их аффилированности с одной из сторон третейского спора, явилась одной из главных причин недоверия среди российского бизнес-общества к российским третейским судам и предпосылкой к началу третейской реформы», — считает Никита Филиппов.

По словам директора юридического департамента АО «Сталепромышленная компания» Никиты Душкина, традиционно третейское разбирательство рассматривалось как хорошая альтернатива государственному арбитражу, прежде всего с той точки зрения, что, используя подобный инструмент, можно было рассчитывать на более быстрое судебное разбирательство, более честное отношение к аргументам спора, а также обеспечение определенной коммерческой тайны в части рассмотрения таких споров.

«Для юристов не было сложности найти третейский суд, который, например, в кратчайшие сроки примет так порой нужное для истца решение о принятии мер обеспечения и аресте имущества должника. Конечно, такие примеры не лучшим образом иллюстрируют работу судов до реформы. → 30

29 → В качестве арбитров порой привлекались достаточно далекие от права люди, а требования к созданию самих третейских судов были настолько простыми, что при желании создать подобный суд было делом техники», — говорит господин Душкин. По его мнению, третейские суды в стране никогда не заменят государственный арбитраж, но если удастся решить проблему быстрой легализации решений третейских судов, бизнес начнет активно разворачиваться в их сторону.

ЛОГИЧНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ В марте прошлого года вступили в силу изменения в ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», а в декабре 2019 года было опубликовано постановление пленума Верховного суда РФ № 53 «О выполнении содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». Как говорит юрист, председатель московской коллегии адвокатов «Скрипка, Леонов и партнеры» Игорь Скрипка, данные документы в пер-

вую очередь призваны сделать Россию местом рассмотрения международных арбитражных споров.

«С одной стороны, те высокие требования, которые введены изменениями в федеральный закон, а также разъяснены в постановлении пленума Верховного суда, должны повысить уровень доверия коммерческих организаций к третейским судам, поскольку на сегодняшний день стало очевидно, что принцип предоставления максимальной свободы в вопросах создания и деятельности арбитражных учреждений себя не оправдал», — считает он. — С другой стороны, количество образованных третейских судов давно превысило разумные пределы, а деятельность таких учреждений невероятно далека от адекватного процесса разрешения споров, поскольку ими не обеспечивается беспристрастное рассмотрение споров, а также равенство сторон. При таких условиях маловероятно, что изменения, на достижение которых была направлена третейская реформа, будут заметны в ближайшее время».

По мнению Никиты Филиппова, принятое в конце года постановление позволит изменить нынешнюю ситуацию в лучшую сторону, однако такое влияние будет незначительным. «Необходимо учитывать такие факторы, как субъективность в вопросах доверия или недоверия российскому третейскому разбирательству, ограниченное количество квалифицированных юристов со знанием иностранного законодательства, третейская оговорка о применимом праве», — поясняет свою позицию он.

У экспертов вызывает вопросы отношение российских госсудов к институту третейского разбирательства. По некоторым оценкам, в 2018 году суды удовлетворили четверть заявлений об отмене третейских решений и отказали в выдаче исполнительных листов по трети. По данным господина Филиппова, за первое полугодие 2019 года общее количество рассмотренных дел об оспаривании решений третейских судов составило 47, из которых по 17 делам вынесены судебные акты об удовлетворении заявленных требований. «При этом если сравнивать ана-

логичные показатели за первое полугодие 2018 года, то статистика была откровенно удручающей. Общее количество рассмотренных дел об оспаривании решений третейских судов составило 145, из которых только по 40 делам вынесены судебные акты об удовлетворении заявленных требований», — говорит он.

Специалисты уверены, что если удастся решить оставшиеся проблемы, все больше представителей бизнеса будут обращаться в третейские суды. Однако ожидать резкого и значительного расширения применения негосударственных судебных инстанций для разрешения споров не стоит, хотя общая тенденция и направлена на создание благоприятной правовой среды, имплементацию современных общемировых стандартов коммерческого арбитража, создание в России возможности выбора средств разрешения споров. «Мы придерживаемся позиции, что реформа еще не закончена. Регулирование будет продолжать совершенствоваться, в том числе путем формирования судебной практики», — заключает госпожа Гузь. ■

26 → КИРИЛЛ САСЬКОВ,
партнер, руководитель корпоративной и арбитражной практики юрфирмы «Качкин и партнеры»:

— Главным и довольно стрессовым событием 2019 года в Петербурге для юридического сообщества, вовлеченного в судебные споры, стал переезд Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленобласти. Давно планировавшийся, но, как снег в начале зимнего сезона, ставший неожиданностью не только для спорящих сторон, но и для самих судей. Забыв про разрешение споров, судьи и помощники лично паковали и перевозили дела, а представители сторон с восторгом наблюдали за вереницами газелей в течение пары недель. К общему удивлению переезд суда уложился в обозначенные сроки, и новое здание суда открыло свои двери. Ожидаемо пришел следующий этап квеста «Переезд суда», и представители начали осознавать, что информации в интернете о залах рассмотрения нет, информационные табло и оповещения не работают, пропускной режим занимает много времени и приходится мерзнуть на улице, а вишенкой на торте стала фактически неработающая в здании суда мобильная связь. Тем не менее постепенно все приходит в рабочий режим, и в новом году большая часть проблем останется лишь забавной историей.

ОЛЬГА ЖДАНОВА,
партнер юридической компании Tenzor Consulting Group:

— На наш взгляд, одним из важным событий в области права и юриспруденции стала «процессуальная революция», которая создала фон для улучшения качества юридических услуг в части судебного представительства (обязательное наличие диплома, подтверждающего высшее юридическое образование). Внесенные поправки также унифицировали процедуру обжалования судебных актов в гражданском процессе по аналогии с арбитражным процессом, ввели новые процессуальные институты (например, институт группового иска) и расширили уже существующие. Упомянутые изменения призваны усилить соблюдение принципа беспристрастности, уменьшить нагрузку

на судей, повысить эффективность судебной защиты в целом, а также улучшить конкурентную среду на рынке юридических услуг. Стоит отметить, что проведенная в 2019 году «процессуальная революция» была в целом позитивно воспринята членами юридического сообщества.

ВЛАДИСЛАВ ВАРШАВСКИЙ,
управляющий партнер ЮК «Варшавский и партнеры»:

— Без сомнения, наиболее значимым событием является ситуация вокруг изъятия спецдекларации об амнистии капиталов экс-главы совета директоров ОАО «Компания „Усть-Луга“» Валерия Израйлита. Верховный суд РФ практически вынужден был дать разъяснение о недопустимости изъятия спецдекларации об амнистии капиталов правоохранительными органами и приобщении ее к уголовному делу. Верховный суд РФ указал, что сведения, содержащиеся в такой декларации, являются налоговой тайной и могут быть выданы только по запросу лица, подавшего такую декларацию. Такое разъяснение Верховный суд дал в конце октября 2019 года. Надо отметить, что буквально за месяц до этого Верховный суд такие действия силовиков оправдывал. Очевидно, при принятии разъяснения Верховный суд преследовал цель устранить законодательный пробел и дать бизнесменам, которые подают спецдекларации, гарантию невозможности использования раскрытых сведений против самих бизнесменов.

АНДРЕЙ ВОДОТИНСКИЙ,
управляющий партнер адвокатской коллегии «Водотинский, Пазилев и партнеры» (Израиль):

— Отмечу главным событием года в области права и юриспруденции России вступление в силу поправок реформирующих структуру судов общей юрисдикции. Апелляционные и кассационные инстанции теперь отделены, с распределением полномочий по округам. Теперь жалобы на судебные постановления подаются не в областные, краевые или республиканские суды, где концентрировались инстанции обжалования решения, а минуя эту ступень. Эта мера снижает влияние регионально-го уровня на отправление правосудия,

укрепляя независимость судей и общественное доверие к судебной власти, что в конечном итоге помогает устранению правового нигилизма.

КАРИНА МОНАХОВА,
директор по правовым вопросам и перспективному развитию «Эталон ЛенСпецСМУ»:

— 2019 год не стал прорывным, значимым годом в плане развития законодательства, юридических механизмов. При этом можно отметить некоторые события, о которых говорило юридическое сообщество и которые, безусловно, повлекут те или иные последствия: процессуальная реформа, принятие постановления пленума ВС РФ по налоговым преступлениям, появление проекта поправок в ГК о вещных правах. И все же 2019 год войдет в историю как последний год, в котором существовал институт участия в долевом строительстве в его первоначальном виде. С 1 июля 2019 года установлена обязательность использования счетов эскроу для расчетов граждан при приобретении строящейся недвижимости. Данная реформа для юридической службы застройщиков поставила новые задачи, связанные с правовым обеспечением деятельности застройщика: взаимодействие с банками при привлечении проектного финансирования, изменения при структурировании приобретения новых проектов. Важно отметить, что поскольку реализация большинства проектов будет завершена по старым правилам, подводить промежуточные результаты реформы и оценивать ее эффективность можно будет не ранее конца 2020 — начала 2021 года.

ИРИНА ШИНКАРЕВА,
заместитель руководителя юридической дирекции «Балтийский лизинг»:

— Одним из самых обсуждаемых событий года стала процессуальная реформа, затронувшая суды общей юрисдикции. Что стало ее итогом? Сплошная кассация вместо выборочной; пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции, округа которых не совпадают с административно-территориальным делением; необходимость предоставления диплома юриста в суде. Но если бы эта

реформа обеспечила также нормальную работу ГАС «Правосудие» — своевременное размещение на сайте судебных актов, определений, информации о ходе дела во всех инстанциях, включая Верховный суд РФ, бесперебойную возможность подавать судебные документы в электронном виде, то это стало бы не просто обсуждаемым, но и действительно главным юридическим событием года. Впрочем, надеемся на лучшее, возможно, это случится в 2020 году.

ПАВЕЛ АСТАПЕНКО,
партнер адвокатского бюро «Торн»:

— В декабре 2019 Минфин подтвердил самый неприятный для бизнеса сценарий применения статьи 54.1 Налогового кодекса. Ведомство заявило, что принцип «налоговой реконструкции» потерял свое значение для компаний, которых уличили в использовании схем ухода от налогов. Они теперь не вправе уменьшать полученные доходы на свои расходы. Это означает, что компании будут платить больше, чем требуется по закону. Налоговая нагрузка на бизнес вырастет, что ожидаемо увеличит количество банкротств компаний в стране. Изменит ли ситуацию Верховный суд? Очень бы хотелось на это надеяться!

МАРК ПАВЛОВ,
адвокат Балтийской коллегии адвокатов имени Анатолия Собчака:

— На мой взгляд, наиболее значимым событием 2019 года, которое будет иметь далеко идущие последствия в правовой системе России и в юридической жизни Петербурга, является создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, введение института «сплошной кассации», который предполагает реальный пересмотр всех без исключения итоговых судебных решений по гражданским и уголовным делам, вступивших в законную силу, то есть без предварительного отбора дел, «достойных» предстать перед кассационными судьями, как это было раньше. Эта реформа призвана усилить конституционные гарантии права на судебную защиту. Людям фактически предоставлен еще один реальный шанс добиться правды. ■

КУРС НА ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЮ

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ УЖЕ НЕОДНОКРАТНО ВЫСТУПАЛИ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНИЦИАТИВАМИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТАТЕЙ. ОДНАКО БИЗНЕС СМОЖЕТ ОЦЕНИТЬ ЭФФЕКТ НЕ СКОРО, СЧИТАЮТ ЮРИСТЫ. АРИНА МАКАРОВА

По словам юриста BL Cons Group Юлии Тищенко, число привлекаемых к ответственности за экономические преступления, растет. «В 2018 году суды вынесли приговоры в отношении 7,7 тыс. человек. Это почти на 21% больше, чем в 2017 году по той же категории дел. Официальная статистика за 2019 год пока не опубликована, однако, исходя из данных за первое полугодие прошлого года, можно говорить о том, что цифры не будут сильно отличаться. Если обсуждаемые правки вступят в силу, есть вероятность снижения количества приговоров по экономическим преступлениям, однако вряд ли оно будет значительным и перекроет рост последних лет», — говорит она.

По оценке руководителя уголовной практики юридической компании «Нортия ГКС» Натальи Ушаковой, которая ссылается на данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество лиц, привлеченных по экономическим преступлениям, растет, но незначительно.

«Декриминализация — позитивное явление. Это означает, что общество и его правовая система не статичны, усложняются и изменяются экономические отношения, изменяются уголовные статьи. Любыми инициативами, направленными на декриминализацию, даже простым уточнением диспозиции некоторых статей власть дает четкие, однозначные сигналы всей правоохранительной системе в отношении предпринимателей», — говорит адвокат Александр Сурков.

В ВЕРНОМ НАПРАВЛЕНИИ Господин Сурков полагает, что за последние несколько лет никаких серьезных статей в сфере преступлений экономической направленности декриминализировано не было, хотя дискуссии об этом ведутся с относительной регулярностью. «При этом преступления в сфере экономики разделяются на преступления против собственности и, собственно, преступления в сфере предпринимательской деятельности, но реальных послаблений не наблюдается ни тут, ни там», — констатирует он. — Однако можно говорить если не о декриминализации, то о смягчении ряда экономических статей, уточнении признаков преступления, о возможности исправить положение, возместив ущерб, вернув деньги, исполнив обязанность с уплатой штрафа, — это значительное количество 190–200-х статей УК РФ. К примеру, тот же мелкий коммерческий подкуп: я не слышал, чтобы кто-либо возбуждал по данному составу уголовные дела. Есть и другие „мертвые“ статьи».

Как отмечает управляющий партнер юрфирмы «Гебель и партнеры» Сергей Гебель, о необходимости декриминализации уголовного законодательства России говорят уже давно и в деловых кругах, и во властных, и в научных, однако изменения и планы преобразований законодательства последнего времени едва ли можно

О НЕОБХОДИМОСТИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ГОВОРЯТ УЖЕ ДАВНО И В ДЕЛОВЫХ КРУГАХ, И ВО ВЛАСТНЫХ, И В НАУЧНЫХ, ОДНАКО ИЗМЕНЕНИЯ И ПЛАНЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ ЕДВА ЛИ МОЖНО СЧИТАТЬ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЕЙ

считать декриминализацией. «Скорее это изменение условий по привлечению к ответственности или изменение квалифицирующих признаков преступления», — полагает он.

По мнению госпожи Тищенко, несмотря на анонсирование декриминализации, в большинстве случаев речь идет о том, чтобы уменьшить наказание за экономические преступления: деяние остается преступным, в юридическом смысле декриминализации не происходит. Юрист поясняет, что формально к экономическим преступлениям относятся статьи главы 22 УК РФ.

Госпожа Ушакова считает, что на сегодняшний день наиболее реальными можно считать смягчение ответственности за валютные преступления, корректировки статьи 210 УК РФ о преступном сообществе, а также новые правила определения крупного и особо крупного размера недоимки по налоговым преступлениям. «Указанные поправки в УК РФ внесены в качестве законопроектов президентом РФ и в настоящее время находятся на рассмотрении, поэтому можно говорить о возможности их воплощения в реальной жизни уже в ближайшее время», — поясняет она.

Юрист международной юрфирмы «Ильяшев и партнеры» Иоанна Щербакова полагает, что принятие поправок продолжает сохранять актуальность даже несмотря на то, что число лиц, которых они коснутся, в четыре раза меньше тех, кто

вообще подвергается уголовному преследованию в сфере экономики.

ПИЩА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ Госпожа Щербакова считает, что для того чтобы реформировать уголовное законодательство в части декриминализации экономических преступлений, предстоит ответить на непростые вопросы. В частности, по ее мнению, определить, где проходит граница между экономическими преступлениями, вред от которых отражается на уровне общественной безопасности и порядка, и преступлениями, эффект от совершения которых сложно оценить в масштабах такого понятия, как «общество». «Дьявол, как и всегда, кроется в деталях. Существуют ли сейчас единые подходы к оценке причиненного ущерба и насколько процедура такой оценки может быть субъективна? Насколько защищены права лиц, преследуемых в совершении экономических преступлений, и насколько соблюдаются уголовно-процессуальные гарантии, предоставленные им в случае возникновения любых конфликтов интересов в данной области?» — рассуждает она.

Александр Сурков видит риски декриминализации отдельных уголовных статей в том, что она может быть заказной и проводиться лишь в интересах отдельных групп «сверхпредпринимателей», характер деятельности которых давно стали транснациональным, а следовательно, их интересы не являются интересами государства.

«Одним из рисков декриминализации экономических статей при отсутствии должного механизма делового взаимодействия является увеличение случаев того же мошенничества, как ни парадоксально. Должна работать система сдержек и противовесов, не отталкивая при этом предпринимателей, готовых вложить свои средства в нашей стране», — говорит управляющий партнер адвокатского бюро «Деловой фарватер» Роман Терехин.

Ведущий аналитик QBF Олег Богданов также считает, что очень важен вопрос о механизмах реализации. «Граница между предпринимательской деятельностью и какой-либо другой прописана в современном законодательстве недостаточно четко. Много вопросов традиционно возникает в связи с определением суммы ущерба. В итоге пока исход множества уголовных дел, связанных с предпринимательской деятельностью, зависит от подходов и методов работы правоохранительных органов», — заключает он.

По мнению управляющего партнера юридического бюро United Partners Андрея Андреева, по-настоящему предприниматели смогут ощутить послабление, когда меры оценят правоприменители и почувствуют разницу с предыдущим законодательством. Однако надеяться, что изменения наступят в ближайшее время, не стоит. «Безусловно, законодателям предстоит найти еще много подводных камней, поэтому изменения будут проходить плавно и аккуратно», — считает он. ■

ПЕРВЫЙ* РОССИЙСКИЙ БРОКЕР, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ НА NASDAQ

реклама
16+

15 октября 2019 года
компания
Freedom Holding Corp.
вышла на биржу
Nasdaq

**FREEDOM
HOLDING CORP.**

* По данным Freedom holding corp, ООО ИК «Фридом Финанс» является первым российским брокером, который в структуре Freedom holding corp. вышел на NASDAQ. ООО ИК «Фридом Финанс» 123112, г. Москва, 1-й Красногвардейский проезд, 15, Москва-Сити, Башня «Меркурий», 18 этаж. «Лицензия Банка России на осуществление брокерской деятельности № 045-13561-100000 на осуществление брокерской деятельности, без ограничения срока действия»

** Компания, имеющая листинг на Nasdaq

FREEDOM
finance

+7 (812) 313-43-44

191014, г. Санкт-Петербург,
Басков переулок, д. 2, стр. 1